

РОСТИСЛАВ ТУНКИН

ПОСТ 17

ВЫХОД ПРОТОКОЛОМ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

Ростислав Тункин

ПОСТ 17

«Автор»

2026

Тункин Р. В.

ПОСТ 17 / Р. В. Тункин — «Автор», 2026

Восемнадцать дней назад в шахтах Поста 17 исчезла разведгруппа. Капитан Антон Карелин ведет спасателей внутрь, готовясь к ядовитому газу, завалам и телам погибших. Но за гермоворотами нет катастрофы. Там горит свет, ровно гудят насосы, а пропавшие солдаты встречают гостей с улыбкой. Они помнят свои имена, семьи и службу, шутят и соблюдают устав. И наотрез отказываются уходить. Кошмар Поста 17 устроен тоньше: он не превращает людей в безмозглых кукол и не говорит чужими голосами. Он меняет всего одну вещь — причину, по которой человек уверен, что поступает правильно. И самые жуткие слова звучат со спокойной, железной уверенностью: «Я помню». «Я уверен». «Это моё решение». Здесь приборы бессильны: человек может говорить чистую правду — и уже быть частью объекта. Как спасти тех, кто не считает себя пленником? И как поймать миг, когда чужой приказ покажется твоим собственным выбором? Створка за спиной закрыта. Выход протоколом не предусмотрен.

© Тункин Р. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Смена	5
Глава 1. «03:17»	5
Глава 2. «Две машины»	13
Глава 3. «Ворота»	20
Глава 4. «Майор Корнеев»	26
Глава 5. «Свой паёк»	32
Глава 6. «Ночное показание»	38
Часть вторая. Гарнизон	44
Глава 7. «До контакта»	44
Глава 8. «То, что обслуживают»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ростислав Тункин

ПОСТ 17

Часть первая. Смена

Глава 1. «03:17»

Телефон зазвонил в начале четвёртого, но во сколько именно, Карелин потом так и не вспомнил: трубку он снял раньше, чем открыл глаза, и первые секунды слушал не слова, а голос — по голосу всегда ясно, вставать ли сразу или можно ещё посидеть на краю кровати, на шаривая ногой ботинок. Майор Ткачук, дежурный по пункту управления, говорил негромко и ровно, как говорят люди, которые уже несколько раз перечитали одно и то же и решили не делать выводов до прихода старшего.

— Антон Сергеевич, у нас приём через узел семнадцатого. Текст в аварийном формате, от группы Белова. Опознавание сходится.

Карелин сел. В комнате было темно и душно; батарея под окном пощёлкивала, остывая после ночного цикла, а в конце коридора, в умывальной, капал кран, который с лета никто не мог закрыть до конца.

— Что пришло? — спросил он. — Не что это значит, а что пришло.

— Один текст. Узел сорок семь секунд работал на проводном входе. Квитанцию станция отправила автоматически, по регламенту. После этого — обычная телеметрия насосной, больше ничего.

— Запись не трогайте. Распечатку тоже, даже если там опечатка. Поднимите Макарова. Буду через двадцать минут.

Он одевался при свете из прихожей, не зажигая верхнего, и, пока затягивал шнурки, думал не о сигнале, а о том, что восемнадцать дней — слишком долгий срок для хорошей новости и слишком короткий, чтобы перестать её ждать.

Группу Белова он видел один раз, на погрузке у склада инженерного имущества. Шестеро в новой, ещё не обмятой полевой форме, старший лейтенант с планшетом под мышкой и с той немного виноватой вежливостью, с какой молодые командиры выпрашивают у чужих кладовщиков лишний ящик. Белов попросил тогда у Макарова два мотка шпагата для маркировки, и Макаров, поворчав, что инженеры вечно собираются на выезд как на дачу, без верёвки и без ножа, дал три. Шестеро ушли обследовать старый коммунальный участок под горой, вскрытый при расчистке дренажа, на вторые сутки замолчали, и карелинскую группу трое суток держали в готовности. Потом поисковики добрались до того самого расчищенного входа, нашли его залитым и просевшим после дождей, и готовность сняли. В сводках появилось слово «предположительно», за которым все, кто давно читает сводки, привыкли видеть другое, некрасивое слово.

На улице оказалось холоднее, чем обещали с вечера. Над плацем висел натриевый фонарь, и в его свете иней на перилах крыльца выглядел не белым, а желтоватым, как пересолённый снег у обочины. За котельной поднимался невидимый сейчас хребет; днём его снежная кромка стояла над посёлком так близко, что новички путали расстояние и собирались сходить туда после обеда. До Поста 17 — объект в документах назывался именно так, строительным номером, без всякого второго смысла, — по дорогам было часов пять, по прямой меньше, чем до областного центра.

Пункт управления занимал второй этаж кирпичного здания за штабом, и узел связи был в нём самой тёплой комнатой — не из-за батарей, а из-за аппаратуры, которая круглые сутки грела воздух и наполняла его запахом нагретой пыли, лака и растворимого кофе. Ткачук встретил Карелина у двери, отдал ему тонкую папку и сразу отступил, освобождая место у стола старшему сержанту Ершовой. Станцию в эту смену вела она, и по тому, как Ткачук держался чуть позади её стула, было видно, что он это не только признаёт, но и считает правильным.

Ершова успела сделать всё, что положено, и ещё немного сверх того. Рядом с клавиатурой лежали распечатка сообщения, копия страницы журнала и плотный конверт, заклеенный и подписанный на клапане её мелким почерком.

— Оригинал записи на накопителе станции, — сказала она. — Копия здесь. После записи я конверт не открывала.

Карелин кивнул и взял распечатку.

Текст был набран теми же заглавными буквами, какими станция печатала всё — сводки погоды, проверки, квитанции, — и от этого выглядел почти скучно:

03:17:42 УЗЕЛ 17-Р ВХ-2

ЯСЕНЬ — ДЕЖУРНОМУ ГОРНОГО УЗЛА

ОПОЗН 2806 5139

ПОСТ 17. ЛЮДИ ЖИВЫ. ПОТЕРИ ОДИН.

ОСТАЛЬНЫЕ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ.

ПРОСИМ СМЕНУ ДЛЯ ВЫВОДА ПОСЛЕ ПРОВЕРКИ.

ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЁМ.

Он прочитал его дважды, второй раз медленнее, задерживаясь на каждой строке так, будто между словами могло оказаться что-то, пропущенное при первом чтении. Между словами ничего не было. «Ясень» — позывной группы Белова. «Горный узел» — эта станция. Ни фамилии погибшего, ни числа живых, ни того, где именно находятся люди и почему за восемнадцать дней они не вышли сами. Слово «наблюдение» было скорее из медицинского словаря, чем из военного, и Карелин это отметил, но ничего из этого не вывел: в аварийном тексте люди пишут теми словами, какие оказываются под рукой.

— Узел, — сказал он. — Расскажите мне про узел так, как будто я о нём ничего не знаю.

Ершова развернула к нему второй монитор. На нём была таблица приёма за сутки — ровная колонка строк через каждые пятнадцать минут, одна и та же короткая запись: давление в напорной линии, уровень в приёмном колодце, ток двух насосов.

— Семнадцать-Р стоит на гребне над объектом. Это ретранслятор коммунального контура: он передаёт телеметрию насосной в службу эксплуатации, а мы его слушаем, потому что объект у нас в перечне. — Она коснулась экрана ногтем, аккуратно, не оставив следа. — У узла два входа. Первый — линия датчиков насосной, по нему идёт вот это. Второй — проводной вход от узла связи самого объекта. По нашей документации он мёртвый с четырнадцатого года. Я на этой станции два года и ни разу не видела, чтобы он хоть что-нибудь давал.

— А в три семнадцать?

— В три семнадцать сорок две узел переключился на второй вход, передал текст в формате полевого терминала и вернулся на телеметрию. Мы приняли его, конечно, уже в ретрансляции: что было у узла на входе, я отсюда видеть не могу. Пакет в три тридцать пришёл по расписанию, без отклонений.

— Мог передавать не узел? Кто-то рядом, на той же частоте, с хорошей станцией?

— Я сравнила с пакетами до и после, — сказала Ершова. — Уровень тот же, уход частоты тот же, особенности передатчика те же. Передавал узел. Его передатчик, с его гребня. — Она помедлила и добавила то, о чём её не спрашивали: — Я не говорю, что сигнал пришёл на второй вход с объекта. Я говорю, что узел решил, будто он пришёл на второй вход.

Карелин посмотрел на неё внимательнее. У неё было узкое, некрасиво уставшее лицо и туго, по-уставному затянутые волосы, из которых к четвёртому часу ночи всё равно выбились две прядки над ухом. Такие различия — «пришёл» и «узел решил, что пришёл» — он ценил больше, чем умел об этом сказать.

— Спасибо. Опознавание?

Ответил Ткачук. Он вынул из нагрудного кармана ключ от сейфа на старом зелёном шнурке, как будто собирался открыть сейф ещё раз, подержал его и убрал обратно.

— Таблица, выданная Белову на выезд. Второй экземпляр у нас в сейфе, третий в управлении, в опечатанном виде. Группа соответствует сегодняшним суткам. Таблица действует до конца месяца.

— У кого она могла быть, кроме нас и управления?

— У Белова и у его связиста. Больше ни у кого.

— Это вы знаете или так положено?

Ткачук подумал, прежде чем ответить, и этим понравился Карелину больше, чем если бы ответил сразу.

— Так положено, — сказал он. — Как было на самом деле, знает Белов.

Макаров пришёл через десять минут, с изморозью на плечах бушлата и с термосом в руке. Термос он поставил на край стола, а кружку Ершовой, стоявшую на этом краю, переставил подальше от клавиатуры, туда, где её, по его разумению, не заденут локтем. Ершова, не отрываясь от экрана, вернула кружку на место. Макаров хмыкнул, но спорить с чужой станцией не стал.

Ему было сорок два, он был на четыре года старше Карелина и, как сам выражался, на две звезды умнее: старший прапорщик Макаров дважды отказывался от офицерских курсов и объяснял это тем, что в группе кто-то один должен оставаться без звёзд и с головой. Работали они вместе девятый год. За это время между ними установилось то, что ни в каких документах никак не называлось и что Карелин про себя называл правом возражения: Макаров мог сказать ему «Антон, это ерунда» при двух свидетелях, и это не было ни нарушением, ни дружбой. Это был рабочий инструмент, который оба берегли, как берегут хороший нож, — не показывая его без нужды.

Макаров прочитал распечатку один раз, положил её текстом вниз и некоторое время смотрел на чистую обратную сторону.

— «Просим», — сказал он. — Вежливые.

— Белов был вежливый.

— Белов был. — Макаров перевернул лист обратно. — Кто «потери один»?

— Не сказано.

— А «под наблюдением» — это кто кого наблюдает?

— Тоже не сказано.

Папку, которую дал Ткачук, собрали шестнадцать дней назад для поисковиков, и с тех пор, судя по нетронутому загнутому углу, её никто не открывал. В ней лежали справка по объекту на четырёх страницах, копия акта консервации и фототаблица к нему.

Справку Карелин уже читал — тогда, в первые сутки готовности, — но прочитал снова, потому что теперь из неё надо было не составить впечатление, а выбрать факты. Объект построен в семидесятые как закрытое инженерное и исследовательское сооружение в горном массиве. С две тысячи третьего года на нём работала программа, сведения о которой «ограничены»; этим словом справка обходила всё, что не касалось бетона. В четырнадцатом — авария с гибелью персонала и остановка работ; через месяц группа обследования, шестнадцать человек, пропала при обрушении в нижних горизонтах, поиски прекращены из-за опасной среды. Консервация. В девятнадцатом — малая инженерная группа, шесть человек, ушла в верхний коммунальный контур после тревоги на насосной и не вернулась; доступ закрыт. Электриче-

ский и насосный контуры оставлены под отдельным обслуживанием, «в целях предотвращения подтопления нижележащих выработок и долины».

— Двенадцать лет кто-то платит за насосы под горой, где никого нет, — сказал Макаров, читавший через плечо.

— Чтобы долину не затопило.

— Я не спорю. Я удивляюсь.

Акт консервации был длинным, и раздел о связи занимал в нём полстраницы. Карелин нашёл нужный абзац и прочитал его вслух, ровно, без всякой интонации, как читают вслух только то, что потом придётся пересказывать по телефону:

— «Основной кабельный тракт связи „Объект — узел 17-Р“ разделён в тридцати одном месте с изъятием участков длиной не менее двух метров. Концы изолированы и маркированы. Фототаблица — приложение четыре».

Фототаблица была чёрно-белой, плохой копией с когда-то хорошей печати. Тридцать одна фотография, по шесть на листе: обрубленный кабель на грунте, на бетоне, в лотке, у основания какой-то трубы; концы, замотанные изолентой; на каждом — бирка с номером, написанным маркером. На нескольких снимках для масштаба в кадр попал чей-то ботинок, и Карелин зачем-то отметил, что на всех этих снимках это один и тот же ботинок, с одинаково сбитым носком. Внизу последнего листа стояли пять подписей членов комиссии и печать.

— Тридцать один раз, — сказал Макаров. — Это не экскаватором случайно перерубили.

— Это вообще не случайно.

Макаров постоял, покачиваясь с пятки на носок, как всегда, когда разговор уходил туда, где ему не за что было взяться руками.

— Ладно. Тогда так. Провод перерезан, а по проводу пришёл текст. Значит, или провод не тот, или перерезан не весь.

— Или кто-то после четырнадцатого года соединил.

— Тридцать один раз?

— Не знаю, — сказал Карелин. — Пока я знаю, что есть акт и есть текст. Товарищ майор, запрос в службу эксплуатации и в управление программы: все линии, когда-либо заведённые на узел семнадцать-Р, с номерами, датами прокладки и состоянием. Не только основной тракт. Всё, что есть в документах.

— Архив у них откроется в восемь, — сказал Ткачук.

— Значит, ответ будет после восьми. Отправьте сейчас.

Макаров сказал то, что, очевидно, обдумывал с самого крыльца:

— Таблица опознавания есть ещё в управлении. В опечатанном виде.

— Я слышал.

— Я не к тому, что там кто-то сидит и пишет за Белова. Я к тому, что если бы кому-нибудь наверху надо было, чтобы мы сходили на семнадцатый, лучшего повода не придумать.

— Зачем им это?

— Не знаю. Затем же, зачем двенадцать лет платить за насосы.

Ершова, не поворачивая головы, сказала в экран:

— Чтобы передать через узел по второму входу, надо сидеть на этом входе. На гребне, у самого узла. Или на другом конце провода.

Никто ей не ответил. Карелин закрыл фототаблицу и положил её рядом с распечаткой, так, чтобы обрубленный кабель на первом снимке оказался возле строчки «ПОСТ 17. ЛЮДИ ЖИВЫ». Обе бумаги были настоящими, он был готов расписаться под каждой. Сложить их во что-то одно у него пока не получалось.

Полковник Сабуров вышел на связь в четыре сорок, и по тому, как он сразу, без приветствия, назвал Карелина по должности, было слышно, что распечатку он уже видел и спал этой ночью не больше их.

— Твоя оценка. Коротко.

Карелин стоял у аппарата засекреченной связи в соседней комнате, где, кроме него, были только стол, стул и прошлогодний календарь с видом на какое-то северное озеро, слишком синее, чтобы быть настоящим. Макаров встал в дверях, прислонившись плечом к косяку.

— Сообщение существует, — сказал Карелин. — Оpozнaвание действительно. Передавал узел семнадцать-Р, это подтверждено сравнением с телеметрией. Что пришло на вход узла и откуда, отсюда установить нельзя. По акту четырнадцатого года проводной вход отрезан от объекта в тридцати одном месте. Основание искать живых людей есть. Основания считать, что их удерживают силой или что это ловушка, у меня нет. Исключить ни то ни другое не могу.

— Предложения.

— Выйти на объект группой, установить контакт и на месте проверить всё...

— Не всё, — сказал Макаров из дверей. Негромко, но так, чтобы было слышно и в трубке.

Карелин замолчал на полуслове. Сабуров тоже молчал: он знал Макарова не первый год и, видимо, ждал продолжения.

— Всё мы там не проверим ни за сутки, ни за неделю, — сказал Макаров, глядя не на Карелина, а на озеро. — Там двенадцать лет закрытого бетона. Людей найти. Понять, кто передавал. Посмотреть, можно ли туда вообще ходить. Остальное — что увидим по дороге и что запишем.

Карелин начал было пересказывать это в трубку своими словами и на середине фразы услышал, что своими словами выходит то же самое, только длиннее и хуже. Тогда он сказал проще: подтвердить местонахождение группы Белова; при возможности вывести людей; установить, кто и как передал сообщение; оценить доступность объекта. Не больше.

— Принято, — сказал Сабуров. — Так и поставлю. Ничего не захватывать, ничего не взрывать, в нижние горизонты без необходимости не лезть. Состав?

— Десять человек входят. Двое остаются снаружи, постоянно, с машиной и дальней связью. Машин две.

— Двое снаружи — это минус два ствола внутри.

— Это машина, которая будет стоять на месте, когда мы выйдем, и люди, которые будут знать, если мы не выйдем, — сказал Карелин. — У Белова снаружи был только подрядчик с экскаватором. Поэтому мы восемнадцать дней знаем про них одно слово «предположительно».

Сабуров помолчал, и в этой паузе было слышно, как у него в кабинете кто-то негромко спросил разрешения войти и получил отказ.

— Хорошо. Двое снаружи. Ретрансляция — две точки, развернёшь сам. Сеансы каждые два часа. При пропуске двух подряд наружный дозор действует по своему плану — план утвердишь до выезда, мне копию. Инженерную помощь я подниму здесь в готовность, но внутри её без моей команды никто не поведёт, и ты её не жди как родную.

— Понял.

— С вами пойдёт Реутов, — сказал Сабуров после паузы, в которой у него что-то шуршало, будто он перекладывал бумаги, хотя Карелин был уверен, что никаких бумаг ему для этого не нужно. — Майор, от программы. У него закрытый пакет по объекту. Вскроет на месте в объёме, необходимом для задачи.

Карелин посмотрел на Макарова. Тот перестал смотреть на озеро.

— Что в пакете такого, чего мне нельзя знать до выезда?

— Происхождение программы. Ограничения по отключению инфраструктуры: там насосы, там линия, под ней долина. Полномочия на прекращение доступа к объекту. — Сабуров говорил медленно, по памяти, а не по листу. — О людях там нет ничего, чего не знаешь ты. Я спрашивал. Отдельно спрашивал.

— А об опасностях?

— Обрушения. Вода. Старые аварии — справку ты читал. Чем занималась программа, я не знаю, и знать мне не положено. Но если бы мне сказали, что там есть угроза людям, кроме бетона и воды, я бы тебе сказал. Это ты понимаешь?

— Да, — сказал Карелин.

Он понимал две вещи сразу: что Сабуров действительно сказал бы — и что Сабурову могли не сказать. Ни одну из них не имело смысла произносить в трубку.

— Врача дам из госпиталя. Юдина, капитан медицинской службы. Прошлой зимой работала на обрушении в шахте, на выездах не теряется. К шести будет у вас.

Карелин записал фамилию на обороте справки. Она ему ничего не говорила. За спиной Макаров сказал, не понижая голоса:

— Знаю такую. Она мне в прошлом году палец зашивала. Сказала, если буду дёргаться, зашьёт заодно и рот.

— Кто там у тебя? — спросил Сабуров.

— Макаров, товарищ полковник.

— Передай Макарову, что Юдина хороший врач, — сказал Сабуров и отключился.

Журнал решений Карелин вёл одиннадцатый год, хотя никакой устав его к этому не обязывал. Обычная толстая тетрадь в твёрдой обложке, третья по счёту; две исписанные лежали дома. Ручка жила в корешке. Записи в журнале были скучными, и Карелин следил, чтобы они такими и оставались: время, основание, задача, решение. Никаких оценок между строк и никаких «по-видимому». Если оценка была нужна, она шла отдельной строкой и так и называлась.

Он сел за стол в комнате с календарём, отодвинул аппарат и написал:

«05:12. Основание: аварийное сообщение в 03:17:42 через узел 17-Р, вход 2; опознавание группы „Ясень“ действительно. По акту консервации 2014 г. основной тракт „объект — узел“ разделён в 31 месте. Источник сообщения не установлен.

Задача (п-к Сабуров, устно, 04:52): подтвердить местонахождение группы Белова; при возможности вывести людей; установить источник сообщения; оценить доступность объекта.

Решение: вход группой из 10 человек. Двое снаружи постоянно, с машиной Б и дальней связью. Сеансы через 2 ч. При пропуске двух сеансов подряд наружный дозор действует по своему плану.

Оценка: основание для поиска живых — есть. Удержание людей, ложное сообщение — не исключены».

Ниже он написал: «Решение принял — капитан Карелин» — и расписался.

Обычно эта строчка давалась ему без всякого усилия, как подпись в ведомости на получение. Сегодня рука на ней задержалась — не потому, что он сомневался в решении, а потому, что вспомнилась другая строчка, четырёхлетней давности, из протокола разбора после выезда на паводок. Там было написано «решение принято коллективно», и по форме это было правдой: они действительно обсуждали его втроём, у машины, под дождём. Последнее слово тогда было за ним. Протокол он подписал, потому что придрататься в нём было не к чему, — разбор, как значилось в первом абзаце, проводился не для наказания, а для понимания, и никого не наказали. Копию он с тех пор хранил дома, в папке с личными документами, между дипломом и страховкой на машину, сам толком не зная зачем и не испытывая желания это выяснять.

Макаров, заглянув через плечо, прочёл последнюю строку и ничего не сказал. Он никогда не комментировал журнал — ни вслух, ни взглядом, — и Карелин был ему за это благодарен так же молча, как и за многое другое.

Малков и Хафизов приехали в пять двадцать на дежурной «буханке», которую Хафизов где-то добыл, не дожидаясь машины из парка. Малков вошёл первым — тонкий, с мокрыми после умывания волосами и с той почти подростковой поспешностью движений, от которой его в двадцать шесть лет не избавили ни контракт, ни сержантские лычки, — и сразу, ещё не расстегнув куртку, спросил, можно ли посмотреть запись. Не распечатку. Запись.

Хафизов остался в дверях. Он был на шесть лет старше Малкова, шире в плечах и спокойнее во всём, включая манеру стоять: стоял он так, будто в любую минуту может уйти, но никуда не собирается. Ключи от машины он держал в кулаке.

— Ты ел? — спросил он Малкову в спину.

— Потом.

— Потом будет пять часов дороги.

Малков, не ответив, сел на стул, который освободила ему Ершова, и попросил вывести исходную запись приёма — не декодированный текст, а сигнал как есть. Ершова вывела. Некоторое время он молча смотрел на экран, потом попросил рядом пакет телеметрии за три пятнадцать и пакет за три тридцать и положил все три записи рядом, как кладут рядом образцы почерка.

— Передатчик один, — сказал он наконец. — Узел. Это я проверил. — Он поморщился и поправился, как всегда поправлялся, когда слово выходило больше, чем факт: — Не проверил. Сравнил по записи. Проверю, когда буду рядом с ним.

— А формат? — спросил Карелин.

— Формат терминала, такие выдают на выезды инженерам. У Белова был такой, я сам помогал его настраивать перед погрузкой. — Малков коснулся пальцем экрана там, где начинался служебный заголовок. — Скорость низкая, старый стандарт проводного входа, поэтому и сорок семь секунд. Для этой линии нормально. Если бы кто-то вставлял текст в эфир прямо у узла, ему незачем было бы так медленно.

— Значит, пришло по проводу.

— Значит, узел принял это как проводной вход, — сказал Малков и, кажется, сам удивился, насколько точно повторил Ершову. Ершова чуть заметно улыбнулась в монитор. — Что было на другом конце, я отсюда не скажу. Человек с терминалом, терминал на таймере, что-то третье. Задержку можно было бы посчитать, если бы я знал длину линии. А длины я не знаю, потому что линии по документам нет.

Хафизов из дверей сказал:

— Машины я посмотрю сам. Обе. Никита, возьми у меня в бардачке бутерброды, я их всё равно не съем.

Малков кивнул, не оборачиваясь, и, конечно, никуда не пошёл. Хафизов постоял ещё секунду, посмотрел на его затылок с выражением человека, который давно знает, чем кончаются такие кивки, и вышел. Через минуту на лестнице хлопнула дверь, а ещё через несколько минут из-под окна донёлся звук открываемого капота.

Реутов позвонил в пять сорок, на мобильный, с дороги; за его голосом стоял ровный шум трассы, и время от времени в нём щёлкал поворотник.

— Антон Сергеевич, доброе утро. Я бы просил предусмотреть в укладке место под один ящик. Закрытый, около сорока килограммов.

Они не разговаривали два года — с того совещания, на котором Карелину удалось отменить одно удобное решение Реутова, — и Реутов начал так, будто никакого совещания не было. Карелин подумал, что это, пожалуй, правильно, и ответил тем же тоном.

— Что в ящике?

— Средства, необходимые для работы по линии программы. Я бы не хотел по открытой связи...

— Скажите то, что можно.

Пауза. Поворотник щёлкнул несколько раз и затих.

— Защищённые носители. Печати. Второй экземпляр актов. Аппаратура для отправки фиксированного сообщения по нашему каналу. Это всё.

— Решим на погрузке.

— Я бы считал важным, чтобы ящик...

— Решим на погрузке, — повторил Карелин и, сам того не заметив, сказал это ровно так же учтиво, как говорил Реутов.

Когда он отключился, Макаров, слышавший весь разговор, потому что стоял в метре, сказал:

— «Я бы просил». Сорок кило в сослагательном наклонении.

— Он везёт акты.

— Я слышал, что он везёт. Я говорю, как он их везёт.

В коридоре, где они на минуту остались одни, Макаров подошёл к окну. Внизу, в свете фар, Хафизов стоял над открытым капотом первой машины, а кто-то из парка держал ему фонарь — неправильно, слишком высоко, и Хафизов, не оборачиваясь, поправлял его руку.

— Документы на округ ты в пятницу сдаёшь? — спросил Макаров.

— Сдам после.

— После чего?

Карелин не ответил. Полгода Макаров при каждом удобном случае объяснял ему, что окружной штаб — не отдых, а та же служба, только без людей, за которых отвечаешь лично, и что сам он, Макаров, туда за ним не пойдёт, даже если позовут, а звать его, кстати, никто не собирается. Сейчас он ничего этого повторять не стал. Посмотрел ещё немного на Хафизова и сказал только:

— Перчатки вторые возьми. У тебя одни, и те худые.

В пять сорок пять станция приняла очередной пакет. Ершова отметила его в журнале тем же ровным почерком, что и всё остальное за ночь:

«05:45. Узел 17-Р. ВХ-1. Телеметрия насосной. Норма».

Карелин, уже в куртке, задержался у её стола. Ответа на запрос о линиях не было и не могло быть до восьми; Ткачук обещал передать его на первом же сеансе. На экране против первого входа стояли давление, уровень и ток — те же цифры, что и неделю, и месяц назад, если верить таблице. Против второго входа стояла ровная черта.

— Допишите, — сказал он. — Второй вход: сигнала нет.

Ершова подняла на него глаза.

— Это и так видно, товарищ капитан.

— Допишите, пожалуйста, — повторил он тем же тоном, и Макаров у двери посмотрел на него внимательнее, чем смотрел всю ночь: Карелин становился чрезмерно вежлив, когда устал, а день ещё даже не начинался.

Ершова дописала. Ниже, через пятнадцать минут, она сделала точно такую же запись, а потом ещё одну, и ещё, — но к тому времени колонна уже вытягивалась из парка на дорогу к хребту, и в узле связи, кроме неё, никого не осталось.

Глава 2. «Две машины»

Под длинным навесом в парке, где в обычные дни стояли машины второй роты, укладка лежала на бетоне так, как её разложили по ведомости: двенадцать личных комплектов вдоль стены, напротив — общий груз двумя рядами, и под каждым рядом мелом на бетоне выведено «А» и «Б». Ведомость составили шестнадцать дней назад, для тех трёх суток готовности, и тогда Карелин подписал её без колебаний: масса сходилась с запасом почти в двести килограммов на машину, а Макаров, пересчитавший всё дважды, не нашёл, к чему придраться.

Придраться пришлось теперь, когда открыли задние двери «Тигров» и начали грузить. Масса оказалась не единственным, что надо было считать. Кейс робота не вставал под полку и лёг поперёк прохода; складные носилки помещались только вдоль левого борта, и тогда к медицинскому ящику, поставленному по ведомости в глубину, нельзя было подобраться, не вынув сначала воду; а воду — девяносто литров в герметичных ёмкостях, которые предстояло первыми нести внутрь, — по той же ведомости положили на самый низ, под ящики с патронами, потому что она тяжёлая и так было правильно для центра тяжести и совершенно неправильно для всего остального.

— По весу укладывали, — сказал Макаров, глядя в раскрытую корму «А» так, как смотрят в чужой шкаф, где всё лежит аккуратно и ничего нельзя найти. — А надо по тому, что первым понадобится. Выгружай.

Выгружали втроём: Макаров, Дронов и Крот, которому всё равно предстояло вести «А» и который хотел знать, что у него за спиной. Дронов работал молча и быстро, с той сердитой сосредоточенностью, с какой хорошие хозяйки перемывают за гостями посуду. Укладку он любил больше, чем стрельбу, и не скрывал этого; на выездах его рюкзак можно было открыть в темноте и наощупь достать из него что угодно, а чужие рюкзаки, собранные «как попало», вызывали у него почти физическое неудобство. Когда Макаров распорядился переложить часть пулемётных коробок из «А» в «Б», Дронов выпрямился.

— Пулемёт в одной машине, ленты в другой.

— Половина лент. Встанет одна машина — у тебя хоть что-то останется.

— Встанет одна машина — я с пулемётом буду в ней, а ленты будут в двух километрах. — Дронов поднял коробку, взвесил её в руке, будто впервые. — Восемьсот штук в коробках — это двадцать пять кило. Мои четыреста на мне. Кто потащит остальное, если «Б» останется внизу?

— Ты и потащишь, — сказал Макаров. — Двести сюда, двести в «Б», четыреста под тобой. Поделили.

Дронов ещё секунду держал коробку, потом поставил её туда, куда показали, и выровнял по краю соседней, чтобы стояла ровно. Спор на этом кончился: Дронов ворчал всегда конкретно, о килограммах и сантиметрах, и, получив ответ про килограммы, переставал.

Реутов приехал в половине седьмого на служебной машине с областными номерами и привёз ящик сам. Серый металлический ящик с двумя ручками, с пломбами на обоих замках, — он поставил его на бетон у меловой «Б», выпрямился, придерживая поясницу, и только после этого поздоровался. Ему было сорок, он был выше Карелина на полголовы и носил полевою форму так, как носят её люди, которые надевают её не каждый день: всё было застёгнуто, подогнано и чуть-чуть неудобно.

Макаров посмотрел на ящик, на Реутова и снова на ящик.

— Открываем, раскладываем по рюкзакам, железо оставляем здесь. Минус шесть кило тары.

— Ящик не вскрывается, — сказал Реутов. — Это опечатанная укладка. Пломбы снимаю я, при свидетелях, по месту. Я бы просил...

— Сорок кило в машину, где каждый литр воды посчитан.

— Я понимаю. Я бы предложил за счёт моей личной нагрузки...

— Вашу личную нагрузку я уже посчитал, — сказал Макаров, не повышая голоса. — Её не хватит.

Они стояли друг против друга у меловой буквы, и Карелин, наблюдавший за этим от второй машины, вспомнил, что два года назад на том самом совещании Макаров сидел у него за спиной и после совещания сказал только: «Он не врёт. Он так говорит, чтобы ни за что не отвечать». С тех пор, насколько Карелин знал, они ни разу не разговаривали.

— Ящик едет целым, — сказал Карелин. — В «Б», под сиденьем майора Реутова. За сохранность отвечает майор Реутов. Из «Б» в «А» переходят одна ёмкость воды и ящик пять сорок пять. Робот — в «Б», к Малкову.

Реутов кивнул так, будто ничего другого и не ожидал, и сам, не дожидаясь помощи, понёс ящик ко второй машине. Нёс он его неправильно — на прямых руках, отклонившись назад, — и Хафизов, проходивший мимо с катушкой полевого кабеля, молча перехватил вторую ручку.

Юдина приехала на госпитальном «уазике», когда «А» уже была наполовину перегружена. Первым из машины показался не человек, а ящик с красным крестом, который водитель подал ей через борт, потом второй, поменьше, и пластиковый кейс с маркировкой «Пульс — опытный комплект». Потом вышла она сама — невысокая, в полевой форме, с короткими тёмными волосами, убранными под шапку, — и, прежде чем представиться, спросила у ближайшего человека, которым оказался Дронов, где поедут её ящики.

— В салоне, — сказала она, услышав ответ. — Не на крыше и не в наружной корзине. Там растворы, ночью было минус шесть.

Карелин подошёл и назвал себя. Она назвала себя, пожала руку — коротко и сухо, какжимают руку на совещаниях, а не при знакомстве, — и тут же повернулась к Макарову, который стоял рядом с видом человека, ожидающего, что его узнают.

— Палец покажите.

Макаров показал. Она взяла его кисть, повернула к свету, согнула и разогнула указательный палец, посмотрела на тонкую белую линию шва.

— Нормально. Я думала, будет хуже. Вы его тогда разрабатывали?

— Как сказали.

— Не как сказала, а лучше, — сказала Юдина и отпустила его руку. — Видно.

Макаров ничего не ответил, но Карелин, знавший его девятый год, видел, что ответ ему понравился.

Копию сообщения она прочитала на ходу, пока Крот и Дронов освобождали ей место у задней двери. Прочитала один раз, задержалась на предпоследних строчках и вернула лист.

— «Под наблюдением» может значить что угодно, — сказала она. — Что за ними ухаживают. Что их сторожат. Что кто-то считает их больными. Я бы не стала угадывать.

— Я и не прошу.

— Тогда скажите сейчас, что вы от меня ждёте. Чтобы я сразу сказала, чего не смогу.

Карелин подумал.

— Оценить людей, которых найдём. Сказать, можно ли их везти.

— Можно ли везти — скажу. Здоровы ли — по осмотру на месте, без лаборатории, не скажу. — Она помолчала. — Это разные ответы. Их легко перепутать, когда людей уже ведут к машине.

Она сказала это без нажима, тоном, каким сообщают расписание, и Карелин запомнил не столько слова, сколько тон: так говорит человек, которому уже приходилось однажды объяснять, что он имел в виду не то, что от него услышали.

Датчики «Пульса» она раздала сама, каждому в руки, с короткой инструкцией, которую повторяла двенадцать раз почти без изменений: браслет на запястье, плоский датчик на ремне

под одеждой, зарядка по графику. Пульс, движение, нагрузка, тенденции сна. Это не медицинский прибор, а испытательный комплект: программа хочет понять, как устают люди на спасательных работах, и для этого её, Юдину, отправили вместе с ним, а не наоборот.

— На правую не надену, — сказал Савельев, снайпер, глядя на браслет так, будто его заставляли надеть часы во время стрельбы.

— Наденьте на левую.

— А если он покажет, что я на посту сплю? — спросил Дронов, застёгивая свой.

— Он покажет, что вы долго не двигались, — сказала Юдина. — Спали вы или нет, вы мне скажете сами.

Дронов хмыкнул и, повертев запястьем, вдруг кивнул на её второй ящик, поменьше, который всё ещё стоял на бетоне.

— Там что?

— Растворы и системы. Наружный комплект.

— Растворы я понесу, — сказал Дронов. — У меня один бок пустой. Не люблю пустой бок, рюкзак ведёт.

Он переложил пакеты с растворами в боковой отсек своего рюкзака так быстро и аккуратно, что Юдина не успела возразить, и, застегнув клапан, ещё раз поправил ремень, чтобы рюкзак стоял ровно. Пустой ящик он отнёс к стене и поставил к другим пустым ящикам — тоже ровно, углом к углу.

К семи «А» была перегружена так, как хотел Макаров. Задняя дверь теперь открывалась на воду и медицину: ёмкости стояли у самой двери, закреплённые стропой, за ними — ящик Юдиной, носилки лежали сложенными вдоль левого борта и не мешали ни тому, ни другому. Патроны ушли вглубь и вниз, под сиденья. Макаров затянул последнюю стропу своим способом — двойной петлёй с хвостом, за который достаточно было дёрнуть одной рукой, — и захлопнул дверь.

— Вот так она теперь и должна выглядеть, — сказал он Кроту. — Если что-то переложишь, скажи мне, куда.

— Не переложу, — сказал Крот.

Он уже сидел за рулём и подгонял зеркало. Карелин, садясь рядом, заметил у него в нагрудном кармане, кроме обычного бинокля на шнурке, ещё один, маленький монокуляр в чехле, которого не было в ведомости. Крот перехватил его взгляд и ничего не объяснил. Карелин ничего не спросил.

Первый час ехали по асфальту долиной, мимо спящих ещё посёлков, мимо закрытой автозаправки с выцветшим щитом и бесконечного серого забора какого-то комбината, который тянулся вдоль дороги километра три и, кажется, ничего за собой не скрывал. Внутри «Тигра» было тепло и тесно. Двигатель гудел ровно и так плотно, что разговаривать приходилось чуть громче, чем хотелось, и поэтому разговаривали мало. Савельев сидел у левого борта, упираясь коленями в колени Дронова, и держал чехол с винтовкой вертикально между ног, обеими руками, с такой аккуратностью, будто это был не чехол, а чей-то хрупкий подарок; каждый раз, когда машину встряхивало на стыке, он едва заметно морщился — не от толчка, а от того, что Дронов при толчке на сантиметр сдвигался к нему. Карелин знал за ним эту особенность: в поле Савельев мог часами лежать неподвижно, но в тесноте, среди чужих локтей, у него портилось настроение быстрее, чем у кого бы то ни было, и портил он его исключительно себе — молча, вежливо, с безупречно застёгнутыми клапанами.

Дронов, напротив, в тесноте оживал.

— Посылку в четверг обещали, — сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. — На почте две недели держат. Успею.

— Ботинки? — спросил Макаров, не открывая глаз.

— Ботинки.

— Десятый раз заказываешь.

— Девятый. Те были не той колодки. — Дронов повернулся к Юдиной, сидевшей у правого борта у самой двери, рядом со своим ящиком, как будто именно ей это надо было объяснить. — У меня подъём высокий. В казённых я к вечеру на пятках хожу. А эти мужик в Перми на заказ шьёт, по мерке, по фотографии стопы. Я ему ногу на листе обвёл и сфотографировал.

— И как? — спросила Юдина.

— Не знаю ещё. В четверг узнаю.

Она кивнула так серьёзно, будто речь шла о результатах анализа, и Дронов, удовлетворённый, отвернулся к окну.

В правом зеркале, когда дорога выпрямлялась, был виден второй «Тигр» — в ста метрах, ровно на той дистанции, которую назначил Карелин, ни больше ни меньше. Титов вёл его так, как водят люди, которым не надо доказывать, что они умеют водить. Карелин несколько раз ловил себя на том, что смотрит в это зеркало чаще, чем требуется. Пока «Б» шла за ними, у всего, что они собирались сделать, был обратный ход, и ему хотелось, чтобы так оставалось как можно дольше; он думал о второй машине не как о транспорте, а как о двери, которую оставляешь открытой у себя за спиной.

После поворота на старую дорогу асфальт кончился. Сначала шла укатанная щебёнка, по которой ездили машины подрядчика, потом, выше развилки, где подрядчик уходил вправо, к дренажу, — разбитая бетонка, плиты которой за десятилетия разошлись и вздыбились, и между плитами рос сухой бурьян. Крот сбросил скорость. Он вёл машину внимательно и некрасиво, наклонившись к рулю, и время от времени, на прямых участках, поворачивал голову чуть больше, чем нужно, будто смотрел на обочину одним глазом.

— Здесь ездили, — сказал он минут через десять после развилки.

— Подрядчик?

— Подрядчик ушёл вправо. — Крот показал подбородком вперёд, на бетонку, на которой Карелин видел только иней и грязь. — Это выше. Грузовик, задние спарка. Колея по грязи между плитами, иней в ней есть, а сверху не набит. Дня три, может четыре.

— Передай в «Б» и запиши.

Крот помолчал секунду дольше, чем следовало.

— Я хотел сначала посмотреть, куда она сворачивает.

— Посмотришь. Сначала передай.

Крот взял гарнитуру и передал — коротко, без оценок, одними фактами: колея, спарка, давность, отметка по навигатору. Потом записал то же самое в свой блокнот, который лежал у него на коленях открытым, и Карелин видел, как он пишет: «грузовик, спарка, 3–4 сут.» — и рядом, мельче, — «не проверено». Было видно и другое: он недоволен. Не приказом, а тем, что пришлось отдать находку, не убедившись в ней до конца, — так, будто его заставили показать незаконченный рисунок.

Колея не свернула. Она шла по бетонке вверх, туда же, куда ехали они.

На седловине, в начале десятого, остановились ставить первую точку ретрансляции. Здесь было ветрено и голо: справа обрывался в долину каменистый склон, слева поднималась гора, а впереди, за следующим отрогом, уже угадывался тот самый гребень, на котором стоял узел. Снег лежал пятнами, в тени камней, плотный и серый. Малков и Хафизов вытащили из «Б» мачту и ящик ретранслятора и работали вдвоём, почти без слов: Малков собирал и настраивал, Хафизов держал растяжки, вбивал колья и, когда у Малкова на ветру не сходилась развёт, просто встал так, чтобы закрыть его спиной.

— Руки не чувствуешь? — спросил Хафизов.

— Нормально.

— Перчатку надень, потом соберёшь.

— В перчатке не попадаю.

— Тогда грей по очереди. Левую в карман, правой работай.

Малков послушался, и Карелин, проходивший мимо к машине связи, отметил, что слушается он Хафизова не так, как слушаются старшего по званию, а как слушаются человека, который уже однажды оказался прав в том же самом.

Сеанс с пунктом управления прошёл чисто. Ткачук сообщил, что архив службы эксплуатации ответил в восемь двадцать: по узлу 17-Р в их документах числится только основной тракт, разделённый согласно акту; сведения о других линиях, если они существовали, хранятся «в фонде программы» и запрошены отдельно. Ответа из фонда пока нет. Пакеты телеметрии за утро — в норме. Второй вход молчит.

— Понял, — сказал Карелин. — Следующий сеанс по плану.

Реутов стоял у своей машины, с подветренной стороны, и смотрел на гребень. Карелин подошёл и встал рядом. Некоторое время они молчали, и Карелин не торопился нарушить это молчание: ему было интересно, начнёт ли Реутов первым. Реутов не начал.

— Фонд программы, — сказал Карелин. — Это у вас?

— Это не у меня. Это в управлении, у которого я представитель. Я запрос видел. Ответят.

— Когда?

— Когда найдут. Там бумага, а не база данных. — Реутов поправил воротник. — Я бы не рассчитывал на сегодня.

— Хорошо. Тогда скажите мне про пакет. Не что в нём — зачем он.

Реутов посмотрел на него внимательно, словно проверяя, нет ли в вопросе второго дна, и, видимо, не нашёл.

— Пакет — это не секрет о людях. Я понимаю, что вы об этом думаете, и я бы на вашем месте думал так же. — Он говорил медленно, подбирая слова, и Карелин, ожидавший привычных «полагаю» и «представляется», с удивлением отметил, что их нет. — Это предел. Что на объекте можно отключать, а что нельзя, потому что под ним долина и линия. Кто имеет право закрыть доступ к объекту и на каком основании. Что делать, если на объекте обнаружится то, что относится к программе. И кто за всё это отвечает. Происхождение программы — тоже там, но вам оно для задачи, скорее всего, не понадобится.

— А если понадобится?

— Тогда я его вскрою, — сказал Реутов. — На это полномочия у меня есть.

К ним подошёл Орлов, инженер группы, курил в кулак, прячась от ветра, хотя курить на выездах обещал бросить ещё весной. Он был сухой, сутуловатый, с тяжёлыми ладонями и привычкой смотреть на любой предмет так, будто прикидывал, из чего тот сделан и сколько ещё простоит. Он слышал последние слова.

— Акт консервации у вас с собой? — спросил он Реутова. — Второй экземпляр?

— В ящике.

— Я бы хотел посмотреть хоть одно из этих тридцати одного места. Своими глазами.

— Акт подписан комиссией.

— Комиссия подписала, что видела. — Орлов затянулся и выпустил дым в сторону, по ветру. — Я подпишу, что увижу. Если увижу.

Реутов не ответил, и Карелин не стал его выручать. Орлов был из тех инженеров, которые терпеть не могут выездов, где решение объявляют раньше обследования, и не умеют этого скрывать, — но никогда не спорят ради спора, а только ради того, чтобы не подписать то, чего не видели. Реутову, человеку бумаги, это должно было быть по-своему понятно, и, судя по тому, как он промолчал, было.

С края седловины, если отойти от машин метров на тридцать к обрыву, была видна площадка подрядчика — далеко внизу, в распадке, куда уходила правая ветка щебёнки. Оттуда, с высоты, она казалась игрушечной: жёлтый экскаватор с опущенным в грунт ковшом, бытовка, штабель бетонных колец, оранжевая сетка временного ограждения. За сеткой лежало пятно

бурой воды, неровное, вытянутое вдоль склона, и из воды, как край утонувшего ящика, торчала верхняя кромка бетонного портала. Людей не было. Работы, по сводке, остановили в тот же день, когда поисковики нашли вход затопленным.

Крот стоял у обрыва и смотрел вниз в свой маленький монокуляр — левым глазом, зажмурив правый, хотя у него на груди висел нормальный бинокль. Карелин встал рядом.

— Это вход Белова?

— Был, — сказал Крот, не отрываясь от окуляра. — Сейчас там воды метра полтора над верхом проёма. Ограждение ставили после: сетка натянута поверх колеи, колею не обходит. Следов к воде нет. Есть — от воды к бытовке, старые, это поисковики.

Он опустил монокуляр, достал фотоаппарат и сделал три снимка — не один крупный, а три с разным охватом, так, чтобы в кадр попали и экскаватор, и развилка, и край гребня с узлом. Потом записал номера кадров в блокнот.

Подошёл Орлов, посмотрел вниз в бинокль, долго, водя им вдоль склона.

— Размыло сверху, — сказал он. — Вода шла с откоса по свежей выемке, у них же там всё раскопано. Просадка свежая. Неделя, может две. — Он опустил бинокль. — После того, как они вошли. Не до.

Карелин ещё немного постоял у обрыва. Отсюда было не больше трёх километров до места, где восемнадцать дней назад шестеро в необмятой форме спустились под землю с тремя мотками шпагата для маркировки, и ему хотелось увидеть внизу хоть что-нибудь, что сделали они, — хоть одну бирку, хоть обрывок того шпагата на сетке. Ничего такого с этой высоты разглядеть было нельзя, и он знал это, ещё когда подходил к обрыву.

Последний отрезок шёл серпантинном по северному склону, где бетонка лежала в тени и плиты были покрыты коркой старого льда. Крот вёл на первой передаче, и машину всё равно дважды повело. Колея грузовика шла впереди них до самого конца, ровно, без единого поворота в сторону, и Крот больше ничего о ней не говорил: всё, что о ней можно было сказать, он уже сказал и записал.

Вторую точку ретрансляции поставили на последнем повороте перед площадкой, на скальном выступе, откуда в обе стороны просматривалась дорога. Дальше она выходила из-за отрога, и впереди открывался склон, а в склоне — серое бетонное обрамление портала, широкое и низкое, похожее издалика на приоткрытый рот. Перед ним лежала ровная, когда-то асфальтированная площадка с остовом ангара сбоку и бетонной коробкой грузового шлюза чуть поодаль. Выше, на гребне, торчала тонкая мачта узла 17-Р с серым ящиком на растяжках. Отсюда, снизу, она выглядела совсем маленькой, и трудно было поверить, что ночью именно эта мачта подняла с постели полковника.

Здесь, у поворота, обе машины остановились, и Карелин выслушал спор, который ему не нужно было разрешать.

— Ближе ставить надо, — говорил Титов, коренастый, рыжеватый, с сумкой санитарного инструктора через плечо поверх всего остального. — На площадку, рядом с «А». Чтобы, если они выйдут с людьми, грузить сразу в обе. Отсюда до ворот триста метров. Пока мы подъедем...

— Пока мы подъедем, мы будем видеть, к кому подъезжаем, — сказал Устинов. Он был моложе и худее, говорил тише и всё время, пока спорил, смотрел не на Титова, а на портал. — На площадке у тебя за спиной гора, перед тобой ворота, а дорога — сбоку, и чтобы на неё выйти, надо разворачиваться. Отсюда я вижу площадку, ворота, шлюз и дорогу вниз. И ухожу, не разворачиваясь.

— Если что-то выйдет из ворот.

— Если что-то выйдет из ворот, я не хочу быть к ним ближе, чем к дороге.

Титов посмотрел на портал, потом на дорогу, потом на Устинова.

— Ладно. Здесь. Но к «А» я хожу каждый сеанс, проверяю.

— Ходи, — сказал Устинов. — Я с крыши тебя видеть буду.

Они повернулись к Карелину почти одновременно — не за решением, а за подтверждением, — и Карелин подтвердил. Он мог бы поставить «Б» сам, с той же точностью, и, вероятно, в то же самое место, но было лучше, что они поставили её без него: снаружи им предстояло обходиться без него столько, сколько продлится работа внутри, а может быть, и дольше.

Порядок наружного дозора он продиктовал коротко, и Устинов записал его в свой журнал слово в слово, а Титов слушал, кивая на каждом пункте. «А» стоит на площадке перед порталом, под разгрузку. «Б» — здесь, на повороте, двигатель не глушить на холостом дольше, чем нужно для прогрева, топливо беречь. Сеансы каждые два часа, первый — в четырнадцать ноль-ноль. При пропуске двух подряд — доклад на пункт управления и действия по своему плану, внутрь без команды не входить. При нападении на дозор — «Б» отходит к старому КПП, два километра ниже по дороге, держит подход, докладывает. Наружный резерв — канистры, вода, патроны — остаётся в «Б» и внутрь не передаётся, пока не будет команды.

— Ключ от «А», — сказал Карелин.

Крот достал ключ из кармана, посмотрел на него, будто прощался, и отдал Титову. Титов надел его на карабин у разгрузки и похлопал по карману сверху, проверяя, что карман застёгнут.

— Если через два часа вы не выйдете на связь, — сказал он, — ждать второй сеанс или сразу докладывать?

— Ждать второй. Как записано.

— Как записано, — повторил Титов.

Было без шести минут двенадцать. Тех, кто ехал в «Б», — Реутова, Орлова, Малкова и Хафизова — высадили здесь, на повороте, вместе с их грузом. Ящик Реутова и катушку полевого кабеля перегрузили в «А», насколько хватило места; работа Малков взял за спину, инженерную сумку Орлов повесил на плечо. Устинов полез на крышу «Б» с биноклем. Карелин сел в «А» и кивнул Кроту. Машина тронулась к площадке шагом, чтобы четверо успевали следом пешком, и в зеркале, пока поворот не закрыл её, ещё секунду была видна вторая — неподвижная, с поднятой антенной, с человеком на крыше, который смотрел не на них, а дальше, туда, куда им предстояло войти.

Глава 3. «Ворота»

Вблизи площадка оказалась больше, чем казалась с поворота, и запущеннее. Асфальт, когда-то положенный ровным прямоугольником перед порталом, вспучился и потрескался, из трещин торчали жёсткие бурые стебли, и по этим трещинам, как по старой карте, можно было угадать, где под асфальтом проходили трубы: над ними трава росла гуще. Слева чернел остов ангара — железные фермы без обшивки, с которых ветер сорвал почти всё, кроме нескольких листов, глухо и неравномерно хлопавших где-то наверху. Справа, отдельно от портала, метрах в сорока, стояла низкая бетонная коробка грузового шлюза с широкими стальными воротами, выкрашенными когда-то в зелёный. Колея грузовика, которую Крот вёл от самой развилки, подходила именно к ней, разворачивалась полукругом и уходила обратно на дорогу.

Крот поставил «А» у края площадки, носом к выезду, так, чтобы машину не пришлось разворачивать, и заглушил двигатель. Стало слышно ветер, хлопающее железо ангара и ещё один звук, который Карелин сначала принял за шум в собственных ушах после пяти часов дороги: низкий ровный гул, не громкий, но словно идущий снизу, из-под подошв. Он постоял, прислушиваясь, и звук получил объяснение только тогда, когда Орлов, подошедший пешком с остальными из «Б», сказал вслух, ни к кому не обращаясь: «Насосы работают».

Савельев ушёл на позицию первым, ещё до того, как остальные начали выгружаться. Он выбрал её сам — на бетонном блоке у ангара, за обломком стены, откуда просматривались портал, шлюз, склон над ними и дорога, — и Карелин не стал его поправлять: позиция была хорошая. Устроившись, Савельев снял шапку, сунул её под колено, разложил на блоке коврик, поставил винтовку на сошки и, кажется, впервые за весь день расслабил плечи. Между ним и ближайшим человеком теперь было метров тридцать, и это было заметно по тому, как изменилось его лицо: на нём проступило что-то похожее на удовольствие.

Малков поднял квадрокоптер с крыши «А». Машинка ушла вверх с сердитым осиным звуком, и Малков, держа пульт обеими руками, развернул её к portalу. Карелин встал у него за плечом и смотрел на экран, где серый склон, увиденный сверху, становился плоским и подробным, как план.

На поверхности людей не было. Камера прошла над порталом, над шлюзом, над ангаром; Малков переключил её на тепловой канал, и площадка на экране стала серо-синей, холодной, с тёплыми пятнами двух «Тигров» — их моторы ещё не остыли. Тёплой была и тонкая полоса по верхнему краю ворот портала: изнутри сквозь неплотный стык выходил воздух, который был теплее наружного. Ещё одно тёплое пятно нашлось выше по склону, на расстоянии метров восьмидесяти от портала, — решётчатый оголовок вентиляционной шахты, из которого шёл ровный слабый поток.

— Шахта дышит, — сказал Малков. — Ворота дышат. Людей нет.

— Шлюз.

Малков провёл машинку над грузовым шлюзом. Ворота закрыты, на бетоне перед ними — следы колёс, и у самой створки, примёрзший к земле, обрывок упаковочной плёнки, какой обматывают паллеты. Крыша шлюза была плоской, на ней стоял короб вентиляции поменьше, холодный.

— Выше. К гребню.

Мачта узла 17-Р вблизи оказалась обычной решётчатой мачтой на бетонном основании, с серым шкафом у подножия, обнесённым сеткой. Сетка цела, калитка закрыта, следов возле шкафа на снегу не видно — во всяком случае, не видно с этой высоты. От шкафа вниз по склону уходила неглубокая заросшая траншея; где она кончалась, разобрать было нельзя: склон в той стороне был изрыт старыми отвалами.

— Это и есть твой проводной вход? — спросил Карелин.

— Может быть. Может быть, это дренаж. — Малков снизил машинку, покрутил её над траншеей. — Я бы туда сходил ногами.

— Не сейчас.

Последним проходом Малков облетел склон за порталом, вдоль старого ограждения — покосившиеся бетонные столбы с остатками колючей проволоки, которые уходили вправо и вверх и терялись за отрогом. Где-то там, если верить общей схеме из справки, был второй выход — обслуживающий, давно засыпанный. С воздуха его не было видно совсем: склон, камни, бурые полосы травы, одинаковые на сотни метров. Крот, стоявший рядом, сделал снимок экрана и записал время.

Когда машинка вернулась и села на крышу «А», Карелин впервые за день посмотрел на часы просто так — хотелось знать, сколько ушло. Ушло двадцать пять минут.

Орлов тем временем стоял у ворот портала с газоанализатором в вытянутой руке, держа прибор у самого стыка, где выходил тёплый воздух. Ворота были огромные, в два человеческих роста, из толстого листа, с заклёпанными рёбрами жёсткости, покрытые многими слоями краски, из-под которых в местах сколов проступали другие цвета: зелёный, серый, снова зелёный, и где-то в самом низу — ржавый сурик. Левая створка заметно просела относительно правой, и между ними снизу шла клиновидная щель шириной в ладонь.

— Кислород двадцать и восемь, — сказал Орлов, когда Карелин подошёл. — Угарный ноль, сероводород ноль, метан ноль. Влажность высокая. Воздух как воздух. — Он помолчал. — Тёплый. Градусов двенадцать там, внутри, может больше.

— Створка?

— Перекошена. — Орлов провёл ладонью по стыку, не касаясь металла, будто гладил воздух над ним. — Видите, как просела левая? Это не замок держит, это геометрия. Снаружи её только резать, и то я бы подумал, что там с той стороны. Привод изнутри.

Полумаски у всех висели на шее, готовые; надевать их Карелин пока не приказывал. В справке не было ни слова о том, что внутри опасный воздух, а газоанализатор показывал воздух как воздух. Но Юдина свою надела ещё у машины и не снимала, и, когда Карелин посмотрел на неё, она коротко пояснила, приподняв край: «Пыль. Старый бетон, вентиляция с застоем. Я в таких местах всегда в маске». Этим её объяснение и ограничилось.

В двенадцать тридцать Карелин вышел на связь.

Канал он выбрал тот, на котором работала группа Белова: частоту и позывной им дали на пункте управления, вместе с таблицей. Если внутри был кто-то, кто отправил ночное сообщение, он слушал, скорее всего, именно этот канал.

— Ясень, Ясень, я Кордон. Прибыли на площадку перед порталом. Как слышите? Приём.

Ответ пришёл не сразу, но и не так долго, чтобы успеть встревожиться: секунд через пятнадцать, будто тот, кто сидел у станции, сначала дописал строчку в журнале. Голос был мужской, молодой, немного глуховатый от плохой антенны или от толщины бетона, совершенно спокойный.

— Кордон, я Пост семнадцать, дежурный по связи. Слышу вас хорошо. Ждём. Ворота откроем, привод старый, минут десять. Для журнала допуска прошу назвать старшего и состав.

Карелин опустил гарнитуру. Рядом стояли Макаров и Реутов, и оба слышали.

— «Ждём», — повторил Макаров вполголоса.

— Они получили квитанцию, — сказал Карелин. — Ночью. Они знают, что их услышали.

— Состав я бы не называл, — сказал Реутов. — По открытому каналу.

— Они откроют ворота, и через десять минут увидят нас всех в лицо. Для журнала допуска называют состав. — Карелин подумал ещё секунду. — Фамилии и функции. Без наружных.

Он поднял гарнитуру и назвал: старший — капитан Карелин; заместитель — старший прапорщик Макаров; врач — капитан медицинской службы Юдина; представитель программы

— майор Реутов; инженер — Орлов; связь — Малков и Хафизов; разведка — Кротов; пулемётчик — Дронов; стрелок — Савельев. Всего десять. Наружный дозор — двое, остаются снаружи с машинами.

— Принял, — сказал голос. — Десять. Записал. Ждите у ворот.

— Пост семнадцать, вопрос: где Ясень? С кем я говорю?

Небольшая пауза.

— Кордон, все вопросы — начальнику объекта, майору Корнееву. Он примет вас в диспетчерской. Я дежурный по связи. Ворота открываем.

Связь прервалась — не оборвалась, а закончилась так, как заканчивается обычный служебный сеанс, когда сказано всё, что положено. Карелин записал в журнал время и содержание, слово в слово, насколько запомнил. Фамилию «Корнеев» он подчеркнул. В справке её не было.

Ворота начали открываться через одиннадцать минут. Сначала внутри что-то тяжело стукнуло, потом раздался долгий, нарастающий скрежет, от которого Хафизов поморщился, а Орлов, наоборот, подался вперёд и замер, слушая. Правая створка пошла внутрь ровно, левая — рывками, цепляясь нижним краем за бетон, и, отойдя примерно на полтора метра, встала окончательно, с последним глухим ударом, после которого скрежет прекратился. Из щели потянуло тёплым влажным воздухом, и запах у него был совсем не такой, какого Карелин ждал от двенадцати лет консервации: старая краска, мокрый бетон, хлорка — и, едва различимо, где-то в глубине, варёная капуста.

— Дальше не пойдёт, — сказал Орлов негромко, себе. — Её уже давно дальше не открывают.

В проёме показался человек.

Он вышел не сразу: сначала остановился в тени, на границе света, будто давая себя рассмотреть, потом шагнул на площадку и прищурился на дневной свет, как щурятся люди, давно не бывавшие на улице днём. Молодой, лет двадцати пяти, худой, с редкой тёмной щетиной, в рабочем ватнике старого образца поверх зелёной куртки такого кроя, какой Карелин видел разве что на фотографиях двадцатилетней давности. На ремне через плечо — автомат, тоже старый, с исцарапанным деревянным цевьём. Держал он его так, как держат люди, привыкшие к оружию на дежурстве, — ремень поправлен, ствол вниз, руки свободны, — и никак иначе.

— Товарищ капитан Карелин? — спросил он, безошибочно найдя Карелина взглядом среди десятерых. — Дежурный по воротам. С прибытием. Майор Корнеев ждёт в диспетчерской.

Потом он повернулся к Юдиной — она стояла в маске у своего ящика, — и сказал, слегка наклонив голову:

— Товарищ капитан медицинской службы, медблок у нас на третьем уровне, но вам, наверное, сначала к майору.

И Дронову, который подошёл с пулемётом на плече:

— Дронов? Вам с пулемётом лучше по правой стороне, там пандус, по ступеням с ним неудобно.

На несколько секунд на площадке стало тихо так, что снова стали слышны насосы. Макаров, стоявший рядом, медленно повернул голову и посмотрел на Карелина, и тот почувствовал этот взгляд щекой, не оборачиваясь. Дронов открыл рот, закрыл его и переложил пулемёт на другое плечо.

Тишину нарушил Малков. Он сказал это негромко, но в тишине получилось слышно всем:

— Вы же сами передали, товарищ капитан. Фамилии и функции. Двенадцать тридцать четыре.

Карелин посмотрел на часового ещё раз и уже иначе. Капитан с повязкой «старший» на рукаве — Карелин. Женщина в маске у ящика с красным крестом — врач. Человек с пулемётом

— пулемётчик. Чтобы сопоставить переданный по радио список с людьми на площадке, не нужно было ничего, кроме глаз и десяти минут у ворот, — и уж точно не нужно было ничего такого, от чего у Дронова стало сейчас такое лицо. Он сам продиктовал этот список. Минуту назад он это знал, а в первую секунду, когда часовой назвал его по фамилии, забыл — и это ему не понравилось больше всего остального.

— Как вас называть? — спросил он.

— Витёк, — сказал часовой и, видимо, сам услышал, как это прозвучало, потому что немного смутился. — Виктор. Все Витьком зовут.

— Фамилия, звание?

Витёк замялся — не испуганно, а так, как мнутя люди, которых просят нарушить правило, которое им самим кажется глупым, но которое не они устанавливали.

— По режиму объекта при прибывших фамилии дежурные не называют, товарищ капитан. Списки — у майора. Он вам всё даст, — сказал он и добавил, будто извиняясь: — У нас так с самого начала.

Карелин задержал на нём взгляд дольше, чем требовалось. Лицо у Витька было обычное, усталое, с покрасневшими от дневного света глазами, и в нём было что-то, что Карелину кого-то напоминало, — но кого, он сказать не мог, и не стал притворяться перед собой, что может. Он записал в журнал: «Дежурный по воротам — „Виктор (Витёк)“, ~25 л., фамилию не назвал со ссылкой на режим объекта». Крот, стоявший чуть сбоку, поднял фотоаппарат, и Витёк, заметив это, не отвернулся, а, наоборот, слегка выпрямился, как перед камерой на документы.

— А это пишет? — спросил он, кивнув на камеру у Карелина на груди.

— Пишет.

— И у всех?

— У всех.

Витёк кивнул с уважением, как кивают на хорошую технику, и больше про камеры не спрашивал. Он смотрел мимо Карелина на площадку — на «А» у края, на дорогу, на поворот, где на скальном выступе стояла «Б» с поднятой антенной и человеком на крыше.

— Вторая машина тоже ваша? Подъедет?

— Не подъедет.

— Понял, — сказал Витёк и, кажется, действительно понял, потому что больше на «Б» не смотрел.

Разгрузка началась сразу. Первым шёл запас воды — девяносто литров в ёмкостях, которые Макаров утром поставил у самой задней двери, — и следом всё, что нужно в первые часы: медицина, связь, батареи, катушка полевого кабеля. Тяжёлое общее имущество — патронные коробки, запас продуктов, инженерный ящик — пошло вторым заходом. Карелин хотел внести всё на руках, в два захода, и уже распределил носильщиков, когда Витёк, исчезнув на минуту в проёме, выкатил оттуда тележку.

Это была обычная складская тележка на четырёх колёсах, с низкой площадкой и длинной ручкой, покрашенная когда-то в синий, с новыми, явно не родными колёсами на литых дисках. Витёк подкатил её к ёмкостям с видом человека, который принёс хозяйке ведро, когда она собиралась носить воду в горстях.

— Давайте на неё. Там до пункта двести метров под уклон, а потом ещё коридор.

— Спасибо, мы на руках, — сказал Карелин.

Витёк посмотрел на ёмкости, на Карелина и снова на ёмкости.

— Девяносто литров? На руках? — В его голосе прорезалось раздражение, совершенно бытовое, какое бывает у человека, когда отвергают очевидную помощь. — Она чистая, я её сам протирал. Мы на ней всё возим. Колёса поменяли в прошлом году, катится нормально, не скрипит.

— Возьмём, — сказал Макаров, прежде чем Карелин успел ответить. И, поймав взгляд Карелина, пояснил так, чтобы слышал только он: — Наша вода, наши руки. Тележка — это колёса. Колёса я посмотрю.

Он посмотрел. Присел, покачал каждое колесо, провёл ладонью по площадке, понюхал ладонь, потом вытер её о штанину и кивнул Дронову. Ёмкости погрузили на тележку, и тележку повели свои: Дронов впереди, Хафизов сзади, а Витёк шёл рядом с пустыми руками и, казалось, немного обижался, что ему не дали её толкать.

Прошли проём. Там, за воротами, начиналась входная галерея — широкая, наклонная, полого уходящая вниз, освещённая редкими жёлтыми лампами в решётчатых плафонах, из которых горела примерно каждая вторая. Стены были выкрашены так, как красили всё в семидесятые: снизу, до пояса, масляной зелёной краской, выше — побелкой, давно посеревшей, в потёках от конденсата. По правой стене тянулись кабельные лотки, по левой — трубы, обмотанные чем-то вроде мешковины. С потолка изредка падали капли. Насосы здесь были слышны отчётливее: гул стал плотнее и шёл теперь не снизу, а отовсюду, как в машинном отделении.

Малков и Хафизов шли последними и разматывали полевой кабель — тонкий двухжильный провод в чёрной оплётке, который ложился вдоль стены, у самого пола, и который Хафизов через каждые двадцать шагов прижимал к лотку куском изолянта, чтобы на него не наступили. Наверху, у ворот, конец кабеля подключили к полемому телефону, а телефон — к станции в «А»; отсюда, из-под земли, их голос должен был уходить по проводу до площадки, а оттуда по радио на «Б» и дальше, через две точки на дороге, на пункт управления. Малков проверил линию дважды, на двух участках, и оба раза сказал: «Есть».

Метрах в тридцати от входа на стене висел щит под мутным оргстеклом — общая схема первого уровня, такая, какие вешают у входа во всех учреждениях, где положено знать пути эвакуации. Краска на ней выплела до бледно-розовой и бледно-голубой, стрелки направлений были нарисованы от руки, по трафарету. Крот остановился и сфотографировал её целиком, потом по частям. На схеме был обозначен портал, наклонная галерея, гермоворота, казармы, столовая, диспетчерская, узел связи — и, в правом верхнем углу, за длинным коридором, маленький прямоугольник с надписью «Обслуж. выход (резерв.)». Над прямоугольником кто-то давно, ещё до оргстекла, поставил карандашом жирный крест.

— Засыпан, — сказал Витёк, проходя мимо и заметив, куда смотрит Крот. — Его ещё до нас засыпали.

Крот сфотографировал крест отдельно.

Галерея кончалась гермоворотами — массивной круглой створкой в бетонной раме, открытой настежь и, судя по слою пыли на шарнирах, открытой уже очень давно. Орлов, проходя, всё-таки остановился, посмотрел на шарниры, на рукоять ручного привода в нише сбоку, на кабель, уходивший от ниши в стену, и сделал пометку в планшете. За гермоворотами начинался собственно первый уровень: ниже потолок, уже коридоры, лампы чаще и светлее, и тепло — уже не влажное тепло галереи, а сухое, жилое, с запахом мастики для пола.

Витёк привёл их к временному пункту — так он и сказал: «Вот ваш временный пункт», — длинному помещению бывшего учебного класса, где вдоль стены стояли составленные столы и десяток железных кроватей с голыми панцирными сетками. Окон, разумеется, не было; вместо них на стене висела большая фотография горного озера в рамке, вылинявшая до синевато-серого. На кроватях лежали стопкой одеяла, на столе — электрический чайник, стаканы в подстаканниках и пачка рафинада. Кто-то готовился к их приходу и готовился по-хозяйски.

— Гоша там суп поставил, — сказал Витёк. — Для вас. Через полчаса будет. Столовая направо по коридору, вторая дверь.

— Спасибо, — сказал Карелин. — У нас своё.

Витёк остановился.

— Свой паёк? Сухой?

— Свой.

Витёк посмотрел на Карелина так, будто тот отказался от рукопожатия, и Карелин увидел в его глазах не подозрение и не злость, а настоящую, простую обиду — за Гошу, который ставил этот суп с утра, и, может быть, немного за себя.

— Гоша расстроится, — сказал Витёк. — Ну ладно. Как хотите. Чай-то хоть пить будете? Вода у нас нормальная, проверенная.

— Воду мы привезли.

— Я видел, — сказал Витёк и больше ничего не предлагал.

Ёмкости сняли с тележки и составили у стены, рядом с ящиком Юдиной; ещё тридцать литров были на людях, во флягах и гидраторах. Макаров пересчитал ёмкости вслух, записал число и время, подписался в своём блокноте, а потом, поколебавшись, отодвинул пачку рафинада на дальний край стола, к стене, — сахару он доверял, просто так стол выглядел для него правильнее. Тележку Витёк откатил в угол и поставил ручкой к двери, чтобы её было удобно брать.

Десять человек были внутри. Двое снаружи. В тринадцать сорок Карелин по полемому телефону связался с «А», а через «А» — с Устиновым на повороте. Устинов доложил, что на площадке никого, ворота открыты наполовину, левая створка стоит, из проёма идёт пар. Титов сходил к «А», машина в порядке, ключ у него. Следующий сеанс — в четырнадцать ноль-ноль, по плану.

Когда он положил трубку, Витёк уже стоял рядом, у стола. В руках у него был журнал — большая амбарная книга в коленкоровом переплёте, с вытертыми углами и с надписью на обложке, сделанной белой краской через трафарет: «ЖУРНАЛ ПРИЁМА И СДАЧИ ДЕЖУРСТВА. ВОРОТА». Он положил её на стол перед Карелиным, раскрыл на закладке — закладкой служила полоска картона от коробки с чаем — и придвинул ближе.

— Распишитесь, товарищ капитан, — сказал он. — За приём смены. Время, состав и подпись. Как положено.

Карелин посмотрел на страницу.

Записи шли столбцом, разными почерками, разными чернилами — синими, чёрными, раз даже красными, — и все были об одном: время, «дежурство сдал», «дежурство принял», подпись. Записи были частыми, через каждые несколько часов, и однообразными, как всякий настоящий журнал. Последняя запись другого вида, не о смене дежурных, а о прибытии, стояла на середине листа, и дата у неё была восемнадцатидневной давности. Её сделали аккуратным, немного наклонным почерком, синей шариковой ручкой, нажимая сильнее, чем нужно, как пишут люди, привыкшие писать на планшете на колене:

«Смену принял. Состав — 6 чел. Ст. л-т Белов».

Ниже было пусто. Витёк положил на пустую строку палец.

— Вот здесь, — сказал он.

Глава 4. «Майор Корнеев»

Расписываться Карелин не стал. Он попросил у Крота фотоаппарат, снял страницу целиком, потом отдельно — запись Белова, так, чтобы в кадр попали дата и номер листа, и вернул журнал Витьку.

— Смену я не принимаю, — сказал он. — Мы не смена. Мы пришли за группой старшего лейтенанта Белова. Об этом я буду говорить с майором Корнеевым.

Витёк взял журнал обеими руками, прижал к груди и некоторое время смотрел на Карелина так, как смотрят на человека, который вежливо, но окончательно отказался выполнить простую, очевидную вещь — снять обувь в чужом доме или вымыть руки перед едой.

— Тогда я доложу, что не расписались, — сказал он без всякой угрозы, просто сообщая порядок действий. — Так положено.

— Докладывайте.

В диспетчерскую Карелин взял Макарова и Реутова. Юдина оставалась в пункте разворачивать медицину, Малков — проверять связь и ставить на зарядку камеры; Орлов перед этим осмотрел ближайшую розетку, щиток в коридоре и сам кабель, буркнул, что «проводка старше Малкова, но живая», и разрешил подключить один блок, не больше. Остальные разбирали имущество. Витёк повёл троих по коридору, и, хотя до диспетчерской, как он сказал, было «два поворота и лестница», шли они минут пять, потому что Витёк по дороге дважды останавливался: один раз — чтобы поздороваться за руку с пожилым человеком в синем халате, который мыл пол, и предупредить его, что «эти в ботинках пойдут, не ругайся», второй — чтобы поправить на стене криво висевший лист с графиком.

Лист был обычным графиком дежурств, расчерченным от руки по линейке: дни недели, часы, посты — «ворота», «связь», «насосная», «медблок», «второй пост», — и в клетках имена, без фамилий: «Витёк», «Гоша», «Сан Саныч», «Лёня», «Ильич». Внизу стояла подпись — «Корнеев» — и дата, сегодняшняя. Карелин замедлил шаг, Крот, если бы был здесь, уже снимал бы, но Крота не было, и Карелин просто прочёл и запомнил: «связь» в ночную смену — «Лёня»; «второй пост» — четыре имени подряд, одно под другим, без пробелов.

Первый уровень жил. Это было заметно не по шуму — шума почти не было, кроме насосов, — а по мелочам, которые нельзя устроить за одну ночь к приезду гостей: по протёртым до бетона дорожкам на линолеуме посреди коридора, по обмотанной изоляцией ручке двери, за которую тысячи раз брались одной и той же рукой, по запаху мастики и хлорки, по объявлению на доске у лестницы, написанному старательным круглым почерком: «Кружки в столовой НЕ оставлять. Не мама». Карелин видел много брошенных объектов; брошенные пахли по-другому и выглядели по-другому — в них всё лежало там, где упало. Здесь всё стояло там, где его поставили.

Диспетчерская была на полэтажа выше, на антресоли над залом, где когда-то, по-видимому, размещался пункт управления всем объектом: внизу, за стеклом, виднелись ряды пультов, накрытых серыми чехлами, а здесь, наверху, работал только один — длинный, светло-бежевый, с рядами тумблеров и круглых индикаторов, с двумя мониторами, которые смотрелись на нём как новые заплатки на старом пальто. За пультом сидел старик в очках, у которых одна дужка была перемотана синей изоляцией. Он говорил в микрофон на гибкой ножке, не оборачиваясь:

— Насосная, доложите уровень по второму колодцу.

Из динамика ответили — хрипло, далеко, но разборчиво: «Два сорок, Ильич. Держим».

— Принято. Второй пост, смена через сорок минут, Сан Саныча разбудите. Медблок, Гоша, тебе майор велел обед отнести, не забудь. Отбой.

Он щёлкнул тумблером, записал что-то в журнал, лежавший у локтя, и только тогда повернулся.

Корнеев стоял у окна во внутренний зал, спиной к ним, и, когда они вошли, обернулся не сразу — сначала закончил смотреть на что-то внизу, на чехлы пультов. Потом обернулся, и Карелин, видевший за свою службу многих начальников, сразу и без всяких рассуждений отнёс его к той их породе, которую сам уважал: к людям, у которых всё в порядке без всякой проверки, — иначе им самим неудобно жить.

Ему было за пятьдесят. Седой, коротко, аккуратно подстриженный, гладко выбритый — выбритый с тем тщанием, какое бывает у людей, бреющихся каждое утро опасной бритвой, — в старой полевой форме, выстиранной до бледности и отглаженной так, что на рукавах стояли стрелки. Майорские погоны старого образца. Руки он держал за спиной и, подходя, вынул правую и подал Карелину — сухую, крепкую, с коротко остриженными ногтями.

— Майор Корнеев, начальник объекта. Капитан Карелин, если не ошибаюсь. — Он пожал руку Макарову, потом Реутову, назвав каждого по званию и фамилии, без запинки. — Прошу садиться. Аркадий Ильич, будьте добры, распорядитесь насчёт чая.

Старик в очках снял трубку внутреннего телефона и сказал в неё: «Гоша, на диспетчерскую четыре стакана», — и Карелин подумал, что Гоше сегодня, кажется, поручают всё сразу.

Сели за стол у стены — обычный канцелярский стол, на котором стоял письменный прибор с двумя ручками, стакан с остро очиненными карандашами, лежала стопка папок, выровненных по краю, и стоял отрывной календарь, раскрытый на сегодняшнем числе. Корнеев сел напротив, положил руки на стол, одну на другую, и посмотрел на Карелина спокойно и внимательно, без малейшего нетерпения.

— Слушаю вас, товарищ капитан.

— Мы прибыли по сообщению, полученному сегодня ночью в тринадцать через узел семнадцать-Р, — сказал Карелин. — Сообщение подписано группой старшего лейтенанта Белова. Задача — установить местонахождение группы, при возможности вывести людей, установить, кто и как передал сообщение, и оценить доступность объекта. Мне нужно увидеть людей Белова. И мне нужно понять, кто вы.

Он сказал «кто вы» прямо, без смягчения, и ждал, как Корнеев на это ответит. Корнеев ответил так, будто ему задали самый естественный вопрос на свете.

— Понимаю. Вы получили справку, в которой нас нет. — Он чуть повернул голову к Реутову. — Товарищ майор, полагаю, может подтвердить.

— По имеющимся у меня сведениям, — сказал Реутов, — объект законсервирован в две тысячи четырнадцатом году. Персонал погиб в результате аварии. Должность начальника объекта упрямлена.

— Объект переведён в режим ограниченного обслуживания, — поправил Корнеев мягко, как поправляют подчинённого, который перепутал два похожих слова в важном документе. — Это не то же самое, что консервация. Персонал понёс потери, это правда. Но не весь персонал. Сведения у вас, простите, неполные.

— На это у меня нет оснований, — сказал Реутов.

— Основания есть. — Корнеев потянулся к стопке папок и, не глядя, вытащил из середины нужную. — Пожалуйста.

Папка была толстая, в картонном переплёте с тесёмками, и всё в ней было подшито по порядку, с описью на первом листе. Договор на обслуживание коммунального контура объекта — электрическая линия, насосная станция, «защищённые дежурства», — заключённый в пятнадцатом году с какой-то областной эксплуатационной конторой и продлённый трижды. Дополнительные соглашения. Акты приёма грузов через верхний шлюз, по одному на каждую поставку, раз в месяц, иногда два, — и к каждому акту накладная, где столбцом шли крупа, тушёнка, сухое молоко, мыло, хлорная известь, медицинские расходники, батарейки, лампы.

Получатель в актах значился не по фамилии, а по функции — «дежурная служба объекта», — со штампом. Но на этих экземплярах под штампом стояла ещё и подпись, одна и та же на всех актах, от первого до последнего: «Корнеев». «Наши экземпляры, — пояснил Корнеев, заметив, куда смотрит Карелин. — Наверх уходит второй, там только штамп. Так заведено».

Макаров, читавший через плечо Карелина, провёл пальцем по столбцу накладной, шевеля губами.

— Это на три десятка ртов в месяц, — сказал он. — Не меньше.

— Сколько у вас людей? — спросил Карелин.

— Дежурный состав — двадцать два человека, вместе с пополнением, — ответил Корнеев сразу, не задумываясь, как отвечают на вопрос, ответ на который знают лучше собственного телефона. — И десять больных в медблоке. Лежание, на уходе.

Реутов взял у Карелина папку и стал листать договор. Листал он медленно, внимательно, как человек, привыкший к документам, и на третьем дополнительном соглашении — о продлении на очередной срок — задержался. Карелин видел, как он смотрит в нижнюю часть страницы, туда, где стояли подписи сторон, и как затем, не меня выражения лица, переворачивает страницу чуть быстрее, чем переворачивал предыдущие. Реутов ничего не сказал. Карелин тоже ничего не сказал, но запомнил номер листа.

Документы выглядели настоящими. Отличать поддельные печати от подлинных Карелин не умел, но подделывать такую папку не имело никакого смысла: она была скучна той особенной скукой, которая бывает только у настоящей бухгалтерии. Где-то наверху, в областном центре, сидела контора, которая десять лет подряд отправляла сюда грузовик с крупой и мылом, получала обратно акты со штампом и выставляла счета; и кто-то эти счета оплачивал. Где-то наверху, значит, знали, что крупу здесь едят. Или не знали, а просто платили.

— План объекта у вас есть? — спросил Карелин.

— Конечно.

Корнеев встал и подошёл к стене за пультом, где висел большой лист под стеклом — поэтажный план, вычерченный тушью, с пожелтевшими краями. Четыре уровня, один под другим. Первый — тот, где они были: галерея, гермоворота, казармы, столовая, диспетчерская, связь. Второй — длинная служебная галерея, склады, ремонтный зал, вентиляция. Третий — «исследовательский блок» и «медблок», заштрихованные одинаковой косой штриховкой. Четвёртый — неровный контур с надписью «Выработки. Водоносный горизонт. Доступ ограничен», без внутренних стен, только изолинии и несколько пунктирных ходов, уходивших за край листа.

— Ничего не спрятано, — сказал Корнеев, будто прочитав что-то в лице Карелина. — Это всё, что есть. Четвёртый уровень мы не обслуживаем, кроме насосной у края. Там вода.

Макаров сфотографировал план. Корнеев подождал, пока он закончит, и вернулся за стол.

Дверь открылась, и вошёл человек с подносом — грузный, лет шестидесяти, в белом поварском фартуке поверх старой формы, с аккуратно расчёсанными на пробор седыми волосами. Он шёл, сильно припадая на левую ногу, но поднос держал так ровно, что чай в стаканах даже не качнулся. Четыре стакана в подстаканниках, блюдце с колотым сахаром, ложечки. Он поставил всё на край стола, выровнял стаканы в ряд и посмотрел на прибывших — без обиды, но с выражением человека, который всё уже знает про суп.

— Спасибо, Гоша, — сказал Корнеев. — Колено как?

— Скрипит, Николаич. К дождю, видать.

— Сядь потом, не стой у плиты весь вечер. Это приказ.

— Есть сесть, — сказал Гоша и, уходя, ещё раз оглянулся на стаканы — четыре полных стакана, которые, судя по всему, никто из гостей пить не собирался.

— Спасибо, — сказал Карелин, когда дверь закрылась. — Мы не будем.

Корнеев кивнул — не обиженно, а с пониманием, даже с одобрением.

— Карантинный порядок, — сказал он. — Своя вода, свой паёк. Правильно. Я бы на вашем месте поступил так же.

Он придвинул один стакан к себе и, помешивая сахар, ложечкой не касался стенок — так тихо, что звона не было слышно. Аркадий Ильич за пультом снова заговорил в микрофон, вызывая насосную, и ему снова ответили: «Держим».

— Где люди Белова? — спросил Карелин.

— На службе. Пополнение распределено по постам: второй пост и насосная, это нижние уровни. Смена у них в двадцать два ноль-ноль.

Карелин не изменился в лице. Слово «пополнение» он записал в журнал отдельной строкой и ничего к нему не прибавил. Пополняют то, что уже существует; пополнение подчиняется тому, к кому прибыло, и ставится на посты по его графику. На графике в коридоре «второй пост» занимали четыре имени подряд, без фамилий.

— Когда они прибыли?

Корнеев бросил короткий взгляд на отрывной календарь — так быстро, что Карелин заметил его только потому, что сам смотрел в ту же сторону, — и ответил ровно, спокойно, тем же голосом, каким называл численность дежурного состава:

— Последняя смена прибыла к нам двадцать лет назад.

Он помолчал — не дольше, чем молчит человек, у которого на мгновение запнулся язык, — и поправился с той же уверенной точностью, с какой поправил Реутова насчёт консервации:

— Восемнадцать дней. Восемнадцать дней назад. Простите. Старший лейтенант Белов, шесть человек, вошли через коммунальный доступ после расчистки дренажа. Один погиб в первые дни. Несчастный случай на нижнем уровне. Остальные пятеро в строю.

Он отпил чаю и поставил стакан точно в мокрый круг, который тот оставил на столе.

Да, это была оговорка, и ничего больше. Люди оговариваются. Карелин сам час назад забыл, что продиктовал по радио собственный список. Но то, как прозвучали эти два числа, не было похоже ни на какую оговорку, которую Карелин слышал в жизни: «двадцать лет» Корнеев произнёс с той же спокойной уверенностью, что и «восемнадцать дней», и поправил одно другим так, как поправляют опечатку в номере, — не удивившись, не смутившись, не задумавшись ни на секунду, как это у него могло выйти. Привычных признаков вранья Карелин в нём не видел. Похоже было, что он верил обоим числам ровно до той секунды, пока говорил каждое.

Макаров рядом с Карелиным сидел неподвижно. Реутов поднял глаза от папки.

— Вы сказали — двадцать лет, — сказал Макаров. Не вопросом.

— Разве? — Корнеев посмотрел на него вежливо и чуть удивлённо. — Восемнадцать дней. Двадцать — это, наверное, я про себя. Я на объекте с две тысячи шестого. Почти двадцать лет. Отсюда и оговорка.

— С две тысячи шестого, — повторил Реутов. — В известных мне списках персонала программы майора Корнеева нет. Ни в шестом году, ни позже.

— Значит, ваши списки тоже неполные, — сказал Корнеев без тени раздражения. — Это бывает. Объект всегда был режимный, документы расходились по разным ведомствам. Я сам до сих пор не могу добиться, чтобы мне прислали нормальное штатное расписание.

Он улыбнулся — коротко, устало, по-человечески, как улыбаются над многолетней бюрократической нелепостью, к которой давно привыкли, — и Карелин неожиданно поймал в себе что-то вроде симпатии к нему — ту же, что и при входе: к человеку, у которого карандаши очищены, стаканы стоят в ряд, а повар получает приказ сесть, потому что у повара болит колено. Симпатия эта никуда не делась и теперь, после двадцати лет, и это было хуже всего.

— Я хочу увидеть их сейчас, — сказал Карелин. — Не после смены.

— Сейчас они на нижних уровнях. Без сопровождения туда нельзя, там вода и старые обрушения, вы справку читали. — Корнеев говорил терпеливо, без всякого нажима: гость не

знал местных порядков и не был в этом виноват. — Снимать людей с постов ради разговора я не стану. Вы на моём месте тоже не стали бы. В двадцать два ноль-ноль смена; после смены я сам приведу их к вам. Всех пятерых. В ваш пункт, под вашу запись.

— Под запись, — повторил Карелин.

— Вы же всё записываете. — Корнеев кивнул на журнал под ладонью Карелина. — Я заметил ещё в дверях. Это правильно. У меня то же самое. — Он положил руку на свою стопку папок. — Если чего-то нет на бумаге, через месяц уже никто не помнит, было ли это вообще.

Карелин подумал, что в двадцати двух ноль-ноль ничего подозрительного нет: смена есть смена. И подумал также, что до двадцати двух восемь часов, и что все эти восемь часов, согласно этому порядку, пятеро будут находиться там, где он их не видит, а он — там, где его видят все. Он ничего из этого не сказал. Вместо этого спросил о другом.

— Медблок. В сообщении сказано: «остальные под наблюдением». Я хочу видеть, кто у вас под наблюдением и почему. И я хочу, чтобы мой врач посмотрела ваших больных.

Корнеев впервые за весь разговор помедлил с ответом — не так, как медлят, подбирая ложь, а так, как медлят, пытаясь понять вопрос, заданный на чужом языке.

— Вы хотите проверить, как мы лечим людей?

— Я хочу видеть людей.

— Там лежат больные, товарищ капитан. Тяжёлые. Некоторые очень давно. У нас один врач и Гоша на подхвате, а процедуры по расписанию, и сегодня как раз процедуры. — Он сложил руки на столе, одну на другую, снова тем же движением. — Если ваш врач хочет посмотреть наших больных, я буду только благодарен. У нас своих рук не хватает. Завтра утром, с нашим врачом, пожалуйста. Но я не понимаю, при чём здесь недоверие.

— Это не недоверие. Это порядок.

— Тогда я не понимаю порядок, — сказал Корнеев мягко, — при котором гость сначала идёт в палату к лежачим, а потом в столовую. — Он помолчал и добавил без всякого упрёка, просто сообщая: — Гоша, кстати, огорчён. Он с утра суп ставил.

Макаров кашлянул. Карелин мельком взглянул на него и увидел, что Макаров смотрит не на Корнеева, а на его руки, сложенные на столе, — на ровные, коротко остриженные ногти, на чистые манжеты, — и что лицо у Макарова при этом такое, какое бывало у него в машине, когда дорога шла по льду: внимательное и совершенно неподвижное.

— Майор, — сказал Карелин. — Я пришёл забрать людей старшего лейтенанта Белова. Это моя задача. Я хочу, чтобы вы это знали с самого начала, чтобы потом между нами не было недоразумений.

— Никаких недоразумений, — сказал Корнеев. — Я это знаю. Я ведь сам вас вызвал.

Он произнёс это так просто, что Карелину понадобилась секунда, чтобы услышать сказанное.

— Вы?

— Текст составлял наш связист, Лёня, я его утвердил. Каким путём он ушёл наверх — это вопрос к Лёне, я в этой технике, признаться, не силен. — Корнеев чуть подался вперёд. — Вы получили сообщение, товарищ капитан, вы его читали. «Просим смену для вывода после проверки». Так и сделаем. Сутки, может быть двое — наблюдение. Ваш врач посмотрит наших, наш врач — ваших: вы пришли снаружи, а порядок для всех, кто приходит снаружи, у нас один, и для вас он тот же, что был для Белова. А после этого вы примете у меня людей по списку, как положено, под подпись, и выведете их. Я этого хочу не меньше вашего.

Он сказал это без хитрости и без нажима, глядя прямо, тоном человека, который наконец нашёл того, кому можно передать давно и тяжело лежавшее на нём дело, — и Карелин, слушавший внимательнее, чем слушал кого-либо за последние годы, не услышал в этом тоне ни одной фальшивой ноты. Корнеев взял из письменного прибора ручку, повертел её, словно проверяя, пишет ли, и положил на стол между ними, ближе к Карелину, колпачком к нему.

— Подумайте, — сказал он. — До двадцати двух у вас есть время.

Глава 5. «Свой паёк»

К четырём часам Юдина обошла пункт дважды и оба раза остановилась у одного и того же места — в дальнем углу бывшего класса, под вентиляционной решёткой, где на стене висела выцветшая фотография озера. Решётка была покрашена много раз, и последний слой краски лёг на неё так густо, что половина щелей заплывла. Юдина подняла руку с зажжённой спичкой — спички она возила для этого и ещё для одного дела, о котором никому не рассказывала, — и пламя постояло ровно, чуть покачиваясь от её собственного дыхания. Воздух под решёткой не двигался.

Макаров к тому времени уже расставил кровати. Он расставил их хорошо, по-хозяйски: две ровные линии вдоль стен, проход посередине, у каждой кровати в ногах — рюкзак владельца, у изголовья — оружие на ремне через спинку. Свою кровать он поставил у двери. Юдина посмотрела на этот порядок с сожалением, потому что сейчас ей предстояло его испортить.

— Спать здесь не надо, — сказала она.

Макаров, затягивавший шнур на чьём-то спальнике, распрямился.

— Здесь тепло и сухо.

— Здесь тепло и стоит воздух. Решётка заросла, вытяжка в коридоре не тянет, дверь одна. Десять человек за ночь надышат так, что к утру будет голова болеть у всех, и у меня тоже. — Она кивнула в коридор. — Через две двери кладовая. Там решётка приточная, живая, и сквозит из-под двери. Холоднее градусов на пять. Зато дышать можно.

— Пять градусов, — сказал Макаров. — В кладовой.

— Спальники у вас на минус десять.

Он посмотрел на неё, прищурившись, тем же взглядом, каким утром смотрел на ящик Реутова, и Юдина подумала, что сейчас он скажет что-нибудь про докторов, которые лучше знают, как спать солдатам. Он не сказал. Он спросил:

— А если честно?

Вопрос был задан без насмешки, всерьёз, и это её обезоружило.

— Если честно — я плохо сплю там, где воздух стоит, — сказала Юдина. — С зимы. Но вентиляция тоже правда.

Макаров подумал, кивнул и, не говоря больше ни слова, начал снимать спальники с кроватей и складывать их стопкой на руки. Через полчаса кровати стояли в кладовой — уже не двумя линиями, а как позволили полки, углом, — и Макаров снова поставил свою к двери, а кровать Юдиной, не спрашивая, — к решётке.

— Сквозняк, — предупредил он.

— Я знаю.

В бывшем классе остались столы, медицина, связь и одна кровать возле узла — для дежурного связиста.

Данные «Пульса» за первые четыре часа Юдина просмотрела на планшете, сидя на ящике. Ничего удивительного: у Дронова нагрузка за день была выше, чем у всех, — он таскал свои ленты, её растворы и полгруппы в придачу; у Савельева пульс заметно поднимался всякий раз, когда в помещении становилосьлюдно, и опускался, стоило ему выйти в коридор; у Реутова держался ровно и немного выше нормы весь день, как бывает у людей, которые с утра не позволили себе ни разу расслабиться. Малков с полудня почти не садился. Юдина выписала себе на листок три фамилии, против которых надо было ночью дать отдых в первую очередь, и пошла к узлу связи.

Малков сидел перед ящиком станции на корточках, хотя рядом стоял стул, и что-то измерял на клеммах полевого телефона. Рядом, привалившись к стене, стоял Хафизов с кружкой и смотрел на него так, как смотрят на чайник, который вот-вот закипит.

— Руку покажи, — сказала Юдина.

Малков поднял голову.

— Какую?

— Правую. Ты её третий час держишь, как чужую.

Он нехотя протянул руку. На костяшке среднего пальца была ссадина — неглубокая, но широкая, с размочаленными краями, уже подсохшая, с серой каймой вьёвшейся грязи.

— Это о разьём, — сказал Малков. — На галерее, когда кабель тянули. Там соединительная коробка старая, мокрая вся, я туда полез посмотреть, что за линия, а крышка прикипела. Ерунда.

— Ерунда, — согласилась Юдина и открыла укладку.

Она промыла ссадину, вычистила из неё грязь — Малков морщился, отворачивался и при этом старался сидеть ровно, будто это не он морщился, — обработала и заклеила. Делала она всё в перчатках и маске, обычными движениями, и говорила при этом больше, чем привыкла говорить со взрослыми мужчинами: что старые коробки на таких объектах всегда мокрые, что под крышками бывает всё что угодно, от ржавчины до плесени, что если к утру палец начнёт дёргать или покраснеет вокруг — сразу к ней, а не через сутки, когда уже будет поздно. Она знала за собой эту манеру — говорить с пациентом длинно и мягко, будто укладывая вокруг него слова, как вату, — и знала, что Малкова она раздражает. Малков терпел.

— Спасибо, — сказал он, когда она закончила, глядя не на неё, а на пластырь.

— Перчатки на работу надевай.

— В перчатках клеммы не чувствую.

— Тогда хотя бы в мокрые коробки голой рукой не лезь.

Хафизов у стены хмыкнул в кружку. Малков посмотрел на него с упрёком, как младший брат смотрит на старшего, который не заступился, а Хафизов в ответ только поднял кружку — мол, сам виноват.

— Ему бы поспать, — сказала Юдина Хафизову, как будто Малкова в комнате не было. — У него с полудня почти без перерыва нагрузка.

— Я ему говорил.

— Мне линию надо доделать, — сказал Малков. — На стыке у гермоворот шумит. Если ночью пропадёт, мы...

— Если ночью пропадёт, мы перейдём на радио, — сказал Хафизов. — Как утром договаривались. Доделаешь после сеанса в шесть и ляжешь. Я посижу.

— Полчаса.

— После сеанса, — повторил Хафизов тем же ровным голосом, и Малков замолчал.

Есть решили в столовой. Это было решение Карелина, и смысл его дошёл до Юдиной не сразу: свой паёк можно было разогреть и в пункте, не показываясь никому. Потом дошёл. Столовая была местом, где гарнизон собирался сам, без приглашения, и полчаса за соседними столами могли сказать о людях Поста 17 больше, чем час в диспетчерской.

Столовая оказалась низким длинным залом с колоннами, обложенными до половины кафелем, и с раздаточным окном в дальней стене, из которого тянуло паром и той самой капустой. Столы стояли ровными рядами, на каждом — солонка, перечница и бумажные салфетки, нарезанные из чего-то вроде обёрточной бумаги квадратиками и сложенные стопкой в стакане. На стене висел график дежурств по кухне и ещё одно объявление тем же круглым почерком: «Кто взял большой половник — ВЕРНИТЕ».

В зале сидело человек шесть. Они подняли головы, когда вошла группа, и снова опустили — без особого любопытства, как поднимают головы в рабочей столовой, когда входят люди

из соседнего цеха. Старик в синем халате, мывший днём коридор, ел суп, держа ложку всей горстью. Рядом с ним женщина лет шестидесяти, полная, в вязаной кофте поверх формы, штопала носок, натянутый на лампочку, и время от времени отпивала чай. Двое мужчин помоложе — лет по сорок пять — играли за угловым столом в нарды, азартно, вполголоса, с короткими злыми восклицаниями, как играют люди, сыгравшие друг с другом тысячу партий и ведущие давний счёт.

Грелки для пайков зашипели, наполняя зал запахом разогретой гречки с мясом, совсем не похожим на запах капусты. Дронов, Крот и Хафизов сели за один стол, Савельев — с краю соседнего, Макаров — напротив Юдиной. Не успели они развернуть пакеты, как из раздаточного окна вышел Гоша.

Он нёс стопку тарелок — чистых, ещё тёплых после мойки, — и ложки, перехваченные салфеткой. Поставил тарелки на стол, разложил ложки, по одной перед каждым, и только потом посмотрел на разогретые пакеты, которые стояли посреди стола, как чужие сумки в прихожей.

— Из пакета-то неудобно, — сказал он. — На тарелку выложите. Тарелки чистые, кипятком ошпаренные. Это можно, это не суп.

Он сказал это с той обидой, которая не умеет быть злой: обида была в каждом слове и при этом ни одно слово не было упрёком. Дронов первым взял тарелку, вытряхнул на неё свою гречку, попробовал ложкой — гарнизонной, с вытертым до блеска черенком, — и сказал с полным ртом:

— Спасибо, отец.

— Какой я тебе отец, — сказал Гоша, но лицо у него разгладилось.

Остальные тоже переложили паёк на тарелки. Юдина ела, приспустив маску на подбородок и надевая её обратно между ложками; получалось неловко, она это знала и не обращала внимания. Гоша постоял ещё немного возле стола, глядя, как они едят, — так смотрят на гостей хозяйки, которых обидели отказом и которые всё равно не могут уйти, пока гости не поели, — потом махнул рукой и пошёл к раздаче, сильно припадая на левую ногу.

— Обиделся, — сказала женщина в кофте, не поднимая глаз от носка. — С утра с этим супом. Говорит, новенькие, с дороги, надо горячего.

— Мы не новенькие, — сказал Макаров.

— А кто ж вы? — удивилась она, и, кажется, удивилась искренне. Потом пожала плечами и снова занялась носком.

За угловым столом один из игроков вдруг ударил ладонью по столу так, что подпрыгнули шашки, и сказал: «Марс!» — с таким торжеством, что Дронов обернулся. Второй игрок, худой, с залысинами, развёл руками, сказал что-то короткое и непечатное и начал собирать шашки. Первый, плотный, с красным лицом, захохотал.

— Сан Саныч сегодня в ударе, — сказала женщина. — Он у нас насосник. Когда насосы хорошо идут, он и играет хорошо.

Орлов, сидевший спиной к игрокам, при слове «насосник» повернулся вместе со стулом. Через пять минут он уже сидел за угловым столом, и они с Сан Санычем говорили о подшипниках: о том, что вторая насосная пара гудит на полтона ниже первой, что Сан Саныч слышит это и без прибора, что замена подшипника в здешних условиях — это неделя ругани и три дня работы, а запасных у них на два раза, и что прокладки он режет сам, из старого транспортёрного полотна, потому что из того, что присылают, он резать не станет. Говорили они так, как говорят друг с другом два механика из разных городов, случайно встретившиеся в поезде: быстро, со своими словами, перебивая, и каждый радовался, что другой понимает. Юдина видела лицо Орлова — оно стало моложе. Орлов любил железо больше, чем людей, и не скрывал этого, а здесь, за нардами, нашёл человека, который любил то же самое железо.

Карелин ел медленно и почти ничего не говорил. Юдина знала его меньше суток, но уже научилась различать, когда он молчит, потому что устал, и когда — потому что смотрит. Сейчас

он смотрел. Не на что-то определённое — на всё сразу: на старика с горстью вокруг ложки, на кофту женщины, на нарды. Смотрел спокойно, без того напряжённого прищур, каким смотрят на минное поле. Юдина подумала, что, если бы её попросили описать этот взгляд одним словом, она сказала бы «вежливый».

Гоша вернулся минут через десять, уже без фартука, с ведром и тряпкой, и стал протирать соседний стол. Протирал он левой рукой, а правую держал на отлёте, неловко, ладонью вверх, и на ребре ладони у основания большого пальца из-под грязноватого бинта виднелся тёмный край.

— Что с рукой? — спросила Юдина.

Гоша посмотрел на руку так, будто впервые заметил, что она у него есть.

— Банкой. Крышку открывал. Ерунда.

За последние три часа она слышала это слово второй раз.

— Покажите.

Он помялся, оглянулся на раздачу, будто там кто-то мог его отругать, и сел на край скамьи рядом с ней, положив руку на стол ладонью вверх. Юдина надела свежие перчатки, подтянула маску и размотала бинт.

Порез был длинный, через всё основание большого пальца, но неглубокий. Края сошлись, по линии пореза уже лежала розовая молодая грануляция, вокруг — лёгкая отёчность и желтоватый след старого синяка. Нагноения не было. Кто-то промывал его и перевязывал — неумело, но добросовестно.

— Когда порезались?

— Вчера, — сказал Гоша уверенно.

Юдина ещё раз посмотрела на грануляцию, на синяк, отцветший до жёлтого. Такая рана была не вчерашней. Дней пять. Может быть, неделя.

— Вчера?

Гоша нахмурился, глядя на свою ладонь.

— Ну, может, на той неделе. — Он поднял на неё глаза и вдруг улыбнулся, смущённо, по-стариковски. — Тут дни одинаковые, дочка. Сегодня суп, вчера суп. Я их по супам не различаю.

Ничего особенного в этом не было. Пожилые люди путают дни и в городах, где есть окна, календари и внуки, которые звонят по воскресеньям. Юдина обработала порез, наложила свежую повязку — правильно, с фиксацией пальца, — и велела Гоше два дня не мочить руку в ведре.

— А кто ж мыть будет?

— Кто-нибудь. Половник, например, найдётся и помое.

Гоша засмеялся — неожиданно громко, хрипло, по-настоящему, и женщина в кофте подняла голову и тоже улыбнулась, глядя на него.

Пока Юдина фиксировала повязку, Гоша наклонил голову, рассматривая её работу, и она увидела у него за правым ухом, у самой границы волос, небольшой рубец — ровный, круглый, старый, побелевший, а в центре рубца, под кожей, едва заметную твёрдую выпуклость размером с пуговицу от рубашки. Юдина ничего не сказала, но, видимо, задержала взгляд, потому что Гоша, не поднимая головы, сказал сам:

— Это старое. С программы. Датчик ставили, давно. Лет двадцать уже. Не мешает.

— Не болит?

— Чего ему болеть. Под дождь только ноет, как колено. — Он пошевелил пальцами в новой повязке, остался доволен. — А ты лицо-то покажи. Неудобно, когда человек тебя лечит, а ты его не видишь.

— Не могу, — сказала Юдина. — Здесь пыльно, я в маске работаю.

Гоша посмотрел на неё внимательно, по-стариковски — молодые всё делают по-своему, — и согласно кивнул.

— Ну и правильно. Береги себя, — сказал он, встал и пошёл дальше протирать столы, держа перевязанную руку на отлёте, ладонью вверх, бережно, как что-то чужое, которое ему дали подержать.

В пункте, разбирая укладку, Юдина записала в свою тетрадь всё, что видела за день, — коротко, по пунктам, тем казённым языком медицинских записей, который она когда-то ненавидела за сухость, а потом полюбила за то, что им трудно соврать даже самой себе.

«Осмотрен один чел. из персонала („Гоша“, ~60 л.). Резаная рана основания I пальца прав. кисти, давность ~5–7 сут. (со слов — „вчера“, затем — „на той неделе“). Признаков инфекции раны нет. Перевязка. Рубец заушной области справа, старый, с подкожным инородным телом ~1 см; со слов — „датчик, программа, ~20 лет назад“. Болезненности нет.

Визуально (без осмотра): персонал в столовой — 6 чел., возраст ~45–65. Признаков острого инфекционного заболевания (лихорадка, кашель, сыпь, желтушность) не вижу. Признаков острого отравления не вижу. Поведение — без особенностей, требующих вмешательства.

Других осмотров не было. Медблок не осмотрен. Лица из группы Белова не осмотрены». Последние две строки она подчеркнула. Потом подумала и подчеркнула их ещё раз.

Над формулировкой «поведение без особенностей» она сидела дольше, чем над всем остальным. Особенности были: старик держал ложку горстью, женщина штопала носок на лампочке, Гоша путал дни. Ни одна из этих особенностей не требовала врача. Любую из них можно было увидеть в столовой районной больницы, в доме престарелых, на кухне у собственной бабушки. Юдина видела за свою жизнь достаточно людей, чтобы знать, как легко превратить любую неловкость в симптом, если очень захотеть найти симптомы, и как неприятно потом бывает тем, кому ты этот симптом приписал. Она оставила формулировку как есть.

Карелин пришёл за сводкой без десяти шесть, перед сеансом. Он прочитал её запись, стоя, держа тетрадь двумя руками, медленно, до последней строчки, и Юдине понравилось, что он дочитал до подчёркнутого.

— Рана — пять-семь суток, а он говорит «вчера», — сказал он.

— Говорит «вчера», потом поправляется. Пожилой человек под землёй. Я бы на этом ничего не строила.

— Я и не строю. — Он помолчал. — А рубец?

— Старый. Двадцать лет — похоже. Что под ним, я без снимка не скажу. Программа, видимо, ставила людям какие-то датчики. — Она пожала плечами. — Если бы я знала, что за программа, сказала бы больше.

— Реутов знает.

— Тогда спросите Реутова.

Карелин посмотрел на неё — коротко, с каким-то новым выражением, будто примерял её ответ к чему-то своему, — и вернул тетрадь.

— Спрошу.

Малков всё ещё сидел у станции, и Хафизов, отставив кружку, стоял над ним, как часовой над ценным, но упрямым грузом. Малков что-то доказывал вполголоса, тыча пальцем — заклеенным пальцем — в схему на планшете. Хафизов слушал, кивал и не отходил.

Сеанс Карелин проводил сам. Юдина сидела у стола, перекладывая растворы из ящика в укладку для ночи, и слышала всё — сначала короткий щелчок полевого телефона, потом голос Устинова, плоский и далёкий, как из колодца, потом Карелина, ровного, неторопливого, чуть более вежливого, чем днём.

Он доложил обстановку: контакт с гарнизоном установлен; начальник объекта, назвавшийся майором Корнеевым, утверждает, что пятеро из группы Белова живы и находятся на постах на нижних уровнях, командир группы погиб в первые дни, обстоятельства уточняются; встреча с пятью назначена на двадцать два ноль-ноль; численность персонала по словам началь-

ника — двадцать два дежурных и десять лежащих больных. Документы обслуживания имеются, сличаются.

— Медицина, — сказал он. — Врач осмотрела персонал. Признаков заболевания не выявлено. Медицинских оснований для беспокойства нет.

Юдина подняла голову.

Это было не то, что она написала. Она написала: «осмотрен один», а он сказал: «осмотрела персонал». Она написала: «не вижу признаков острого», а он сказал: «признаков заболевания не выявлено». И последней фразы, про основания для беспокойства, у неё не было вовсе — ни в каком виде. Но это не было и чем-то совсем другим: каждое его слово выросло из какого-нибудь её слова, как ветка вырастает из почки, и, сказанное его ровным голосом в трубку полевого телефона, звучало естественно и разумно, так, как, наверное, и должна была звучать сводка за первый день. Юдина открыла рот, чтобы поправить. Карелин уже говорил о следующем сеансе, о двадцати ноль-ноль, о том, что связь по проводу на стыке у гермоворот шумит и в случае обрыва они перейдут на радио.

Она закрыла рот. Можно было поправить потом. Можно было поправить завтра, в спокойную минуту, наедине, когда это не будет выглядеть так, будто врач при всех ловит командира на слове. Она взяла карандаш и на полях своей тетради, рядом с подчёркнутыми строчками, написала мелко: «Сказать К. — „один“, не „персонал“».

Карелин положил трубку. По проводу, по которому только что ушли его слова, к «А» на площадке и дальше, по радио, к Устинову на повороте, а от Устинова — по двум точкам на дороге в пункт управления, где их, наверное, записала в журнал Ершова или тот, кто сменил её на станции, — по всей этой длинной, надёжной, проверенной линии сейчас шла фраза «медицинских оснований для беспокойства нет». Юдина её не писала. Но и сказать, где именно между её тетрадью и трубкой эта фраза появилась, она бы сейчас не смогла.

Глава 6. «Ночное показание»

Кровать у узла стояла вплотную к стене, и стена эта была тёплой. Малков заметил это, когда лёг, — около семи, после сеанса, после того как Хафизов в третий раз сказал «ложись» и в третий раз не повысил голоса. Вдоль стены, на высоте плеча, шёл старый кабельный лоток, и в лотке лежали кабели, много, разной толщины, в рыжей и чёрной оболочке, связанные кое-где проволокой, покрытые серым налётом пыли и чем-то ещё, влажным на ощупь. Лоток гудел. Гудел не сам — гудели, наверное, насосы где-то внизу, а лоток передавал их гул, как передаёт его всякое длинное железо, и, если прижаться к стене ухом, гул становился густым и ровным, как шум крови в ушах перед сном.

Малков прижался — не нарочно, просто кровать была узкая. Пластырь на костяшке слегка тянул кожу. Он думал о разъёме у гермоворот: шумел именно он, это было слышно по характеру помехи — короткие сухие трески, а не ровное шипение, как при плохой изоляции. Нужно было его переобжать. Или хотя бы вскрыть и посмотреть. Утром. Или после двадцати, после сеанса, если Хафизов разрешит. Он начал прикидывать, какой инструмент взять, и, прикидывая, поймал себя на том, что прикидывает уже не инструмент, а что-то бессвязное, про катушку и про ботинки Дронова, и успел удивиться тому, что засыпает.

Проснулся он от руки на плече.

Хафизов сидел на краю соседнего стола и держал его за плечо — не тряс, просто держал, пока Малков не открыл глаза. Свет в бывшем классе был приглушён: горела одна лампа над узлом, на экране станции зелёным светились цифры. Часы на ней показывали 20:50.

— Вставай, — сказал Хафизов. — Работа есть.

Малков сел. Голова была тяжёлой и пустой, как бывает после короткого глубокого сна, когда кажется, что спал минуту, а на самом деле прошло полтора часа. Во рту было сухо. Он потянулся к флаге.

— Сколько я спал?

— С семи. Я тебя не трогал. Сеанс в восемь я провёл по радио, из коридора, тут бетон глушит. — Хафизов кивнул на полевой телефон. — Устинов говорит, у него в начале девятого провод пропадал. Минут на шесть. Потом вернулся. Посмотри, что там было.

— Пропадал? — Малков отпил, вытер рот. — Я ничего не слышал.

— Ты спал.

— Ну да.

Он встал, пересел на стул перед станцией и открыл журнал событий линии. Станция писала всё сама — каждое изменение состояния шлейфа, каждый вызов, каждый разговор по проводу, — и писала в свою память, которую нельзя было ни стереть, ни поправить без пароля, а пароль знали двое: он и Хафизов. Малков любил эту её особенность больше всех остальных.

Запись была короткой и понятной.

«20:01:12 — обрыв шлейфа ПЛ-1».

«20:07:03 — шлейф ПЛ-1 восстановлен».

«20:07:19 — входящий вызов ПЛ-1. Разговор 00:00:31. Запись разговора — файл...»

Шесть минут без провода. Это было неприятно, но не страшно — для того и договаривались о радио. Обрыв мог быть где угодно: на стыке у гермоворот, на площадке, в самом телефоне в «А». Шлейф размыкается одинаково, где бы его ни разомкнуло; по одной записи на этом конце нельзя было сказать, на каком конце беда. Малков потянулся к мыши, чтобы открыть файл разговора, и остановился.

— Кто ему отвечал? — спросил он через плечо. — В восемь ноль семь. Ты?

— Я был в коридоре до четверти девятого, — сказал Хафизов. — Тебе говорю. Я думал, ты.

— Я спал.

Хафизов ничего не ответил. Малков открыл файл.

Сначала — гудок вызова, короткий, двойной, как у всех полевых аппаратов. Потом щелчок снятой трубки. Потом голос Устинова, далёкий, сплюснутый проводом, но разборчивый:

«Пункт, Устинов. У меня провод пропадал минут на шесть. Что у вас?»

Пауза. Малков посмотрел на счётчик: секунда и восемь десятых.

«Устинов, Малков. У нас всё нормально, обрыва не было. Это у тебя на конце. Проверь разъём на аппарате».

«Понял. Проверю».

«Отбой».

Щелчок. Конец файла.

Малков прослушал его ещё раз. Потом ещё. Голос был его. В этом не могло быть никаких сомнений и не возникло ни одного: так говорил он, с этой его манерой называть себя по фамилии после позывного, с этим чуть смазанным «Устинов», в котором проглатывалось «и», с этим «отбой» в конце, которое он всегда говорил немного раньше, чем собеседник успевал попрощаться. Говорил спокойно. Не спросонья — спокойно, ровно, уверенно, тем самым тоном, каким он отвечал на вызовы на всех выездах, где ему приходилось отвечать на вызовы.

И он этого не помнил. Совсем. Он помнил, как лёг, помнил тёплую стену, катушку, ботинки Дронова — и руку Хафизова на плече. Между ними не было ничего. Не было даже того смутного, раздробленного полувоспоминания, какое остаётся, когда ночью встаёшь попить воды и утром не уверен, вставал ли.

— Ну? — спросил Хафизов.

— Это я, — сказал Малков. Он хотел сказать это обычным голосом, и почти получилось.

— Я ему ответил. В восемь ноль семь.

— А говоришь — спал.

— Я не помню, что отвечал.

Хафизов слез со стола, подошёл и встал у него за спиной, глядя на экран, где ровной линией лежала дорожка закончившегося файла. Малков ждал, что он засмеётся. Хафизов не засмеялся.

— Бывает, — сказал он. — Я в учебке раз дневальному доклад сдал. Встал, всё по форме, «за время дежурства происшествий не случилось», лёг. Утром мне дневальный рассказал. Я не поверил, пока трое не подтвердили. — Он положил руку Малкову на плечо, на секунду, и убрал. — Ты полтора суток не спал. Тело отвечает, голова спит. Это нормально.

— Да, — сказал Малков.

Нормально. Он сам знал десяток таких историй, сам, бывало, рассказывал их другим, и все они были смешными. Он кивнул и повернулся обратно к экрану. Было в этой записи ещё одно, о чём Хафизов не спросил, потому что Хафизов не знал, на что смотреть, а Малков знал.

«Обрыва не было».

Обрыв был. Журнал станции записал его в восемь ноль одну, за шесть минут до того, как Малков снял трубку. Станция показывала обрыв на экране — красной строкой, которая не гаснет, пока её не подтвердишь. Если он, Малков, в восемь ноль семь сидел на этом стуле, снимал трубку и разговаривал, то эта красная строка была у него перед глазами. Он не мог её не видеть. И сказал «обрыва не было». И сказал «это у тебя на конце», хотя никаких оснований говорить про конец Устинова у него не было, и он сам только что, минуту назад, подумал, что по одной записи на этом конце нельзя сказать, на каком конце беда.

Он снял подтверждение с красной строки ещё в восемь ноль семь. Это тоже было в журнале: «20:07:52 — событие подтверждено оператором».

Оператор — это был он.

Он заставил себя думать по порядку, как учили и как он сам любил думать, когда что-нибудь не сходилось.

Запись могла быть старой — его голос, записанный когда-то раньше и проигранный в линию. Тогда это была бы чужая работа, и это было бы почти облегчением. Он проверил: голос Устинова и его голос шли в одном файле, с одним уровнем шума, с одним и тем же лёгким фоном насосов, и его ответ точно отвечал на вопрос — «шесть минут», «у тебя на конце», «разъём на аппарате». Такой ответ нельзя было записать заранее. Секунда и восемь десятых паузы перед ответом тоже ничего не доказывали: столько думает любой человек, которого спросили неожиданно, и столько же — человек, который только что проснулся. Он выписал это время на листок, рядом поставил вопросительный знак и больше к нему не возвращался. Из одной паузы ничего не следовало.

Камера.

Днём, когда разворачивали узел, Хафизов поставил на шкаф маленькую камеру на струбцине — так было положено: всё, что происходит у средств связи, должно где-то оставаться. Камера смотрела сверху на стол со станцией, на телефон, на край кровати у стены. Она писала, когда в кадре что-то двигалось, и экономила батарею, когда не двигалось ничего. Малков снял её со шкафа, подключил к планшету и нашёл запись с отметкой 20:05.

На экране, в сером приглушённом свете одной лампы, лежал человек на узкой кровати, повернувшись лицом к тёплой стене. Потом на телефоне коротко моргнул индикатор — звука камера не писала, — и человек сел. Сел сразу, без того медленного барахтанья, с каким выбируются из сна, — откинул спальник, спустил ноги, протянул руку и снял трубку. Повернулся лицом к камере. Глаза у него были открыты.

Малков смотрел на себя.

Человек на экране говорил в трубку — недолго, спокойно, чуть наклонив голову, как наклонял её Малков, когда слушал собеседника на плохой линии. Потом положил трубку. Потом посмотрел на экран станции, где должна была гореть красная строка, протянул руку к клавиатуре и нажал клавишу. Потом взял со стола карандаш, придвинул к себе журнал связи, написал что-то — недолго, одну строку, — положил карандаш туда, где он лежал, параллельно краю журнала, как Малков всегда его клал, лёг и повернулся к стене. Две минуты сорок секунд. Больше на записи ничего не было до 20:49, когда в кадр вошёл Хафизов.

Он посмотрел запись дважды. Второй раз остановил её на кадре, где человек поворачивался к камере с трубкой у уха, и долго смотрел на своё лицо. Лицо было обычным. Ни сонной одутловатости, ни пустоты в глазах, которую ждёшь от лунатика. Просто он — немного усталый, немного помятый, вполне проснувшийся Никита Малков, отвечающий на вызов.

— Видно, — сказал он Хафизову, не оборачиваясь. — Сел, ответил, подтвердил событие, что-то записал и лёг.

Хафизов посмотрел через плечо.

— Ну вот. Тело отвечает. Видишь, как ровно — по привычке. Я ж говорю.

В этом была правда. Так оно и выглядело: как привычка. Сел, снял, ответил, подтвердил, записал, положил карандаш на место. Всё как всегда. Малков открыл было рот, чтобы сказать про «обрыва не было», и закрыл. Хафизов был прав в том, что видел, и Малкову не захотелось объяснять ему, чего он не видел. Это заняло бы много слов, а после всех этих слов вышло бы, что Малков подозревает что-то такое, чего сам не может назвать.

Раньше он не молчал при Хафизове ни о чём, что касалось работы. Молчать было незачем и теперь, и всё-таки он промолчал.

Юдина ещё не спала. Она сидела за столом в другом конце класса, при отдельной лампе, и что-то писала, и, когда Малков подошёл, подняла голову с тем выражением, с каким врачи встречают пациента, который пришёл ночью сам, — без тревоги, но сразу внимательно.

— Палец?

— Нет. Палец нормально. — Он показал пластырь, будто это было доказательство. — Можно посмотреть мой «Пульс» за вечер? С семи до девяти.

Она не спросила зачем. Открыла на планшете его строку и развернула экран к нему.

График был простой и понятный: пульс, движение, полоса внизу, где прибор раскрашивал время в разные цвета. С 19:12 полоса шла тёмно-синим — «вероятный сон». Ровно, без перерывов, до 20:49. Почти без перерывов: в 20:06 синее прерывалось коротким светлым отрезком, помеченным «двигательная активность», длиной в три минуты, и потом снова шло синее.

— Прибор говорит, что ты двигался три минуты, — сказала Юдина. — Здесь. И пульс поднялся. А спал ли ты при этом или не спал, он не знает. Он по движению считает: лежит человек долго и тихо — значит, вероятно, спит. Встал — значит, вероятно, проснулся. Что у тебя в голове, он не видит.

— Я знаю, — сказал Малков. — Я проверяю, во сколько встал к телефону.

— В шесть минут девятого.

— Да. Спасибо.

Он пошёл обратно, чувствуя спиной её взгляд, и на полпути обернулся. Она уже не смотрела — снова писала.

Инструмент он собрал быстро: фонарь, тестер, отвёртки, обжимка, фотоаппарат Крота, который Крот без единого вопроса вынул из кармана и дал ему, только попросив вернуть до утра. Хафизов пошёл с ним, ничего не спрашивая, — просто взял свой фонарь и встал у двери.

Кабель лежал вдоль стены коридора там, где они его положили днём, прижатый через каждые двадцать шагов полоской изоляции к нижнему краю лотка. Малков вёл по нему лучом, шаг за шагом, проверяя изоляцию, перегибы, места, где кабель проходил по порогу. Всё было как днём. На гермоворотах кабель проходил через раму в специальной прорези, которую Орлов днём обмотал тряпкой, чтобы острый край металла не резал оплётку. Тряпка была на месте. За гермоворотами, в галерее, стало прохладнее и влажнее, и запах изменился: исчезла мастика, появились мокрый бетон и что-то сладковатое, гниловатое, похожее на запах старого подвала, где хранили картошку.

Соединение было в трёх метрах за рамой — стандартный разъём полевого кабеля, две половинки в резиновом корпусе с защёлкой. Малков присел над ним и осветил.

Корпус был мокрым — весь, ровно, мелкой росой конденсата, как бывает мокрым всё в этой галерее. Половинки сидели одна в другой плотно. Защёлка была открыта.

Он протянул руку, чтобы её закрыть.

Рука уже коснулась резины, большой палец уже лёг на защёлку, чтобы привычно, с щелчком, утопить её, — когда он остановился, будто наткнулся на что-то в темноте. Он не сфотографировал. Он ещё не сфотографировал, а рука уже шла исправлять. Он мог бы поклясться, что не собирался её закрывать, — он знал, что сначала снимают, а потом трогают, знал это лучше всех в группе, сам учил этому стажёров, — и рука всё равно пошла сама, сразу, первой, раньше, чем он успел подумать, что делает. Так поправляют криво висящую картину в чужой квартире: не решая, просто потому, что криво.

Он медленно убрал руку. Поднял фотоаппарат. Снял разъём с двух сторон, со вспышкой и без, так, чтобы было видно открытую защёлку, мокрый корпус, метки на кабеле и край рамы гермоворота для привязки. Записал номера кадров. Только потом открыл разъём, проверил контакты — чистые, сухие внутри, не окисленные, — проверил тестером линию в обе стороны, закрыл разъём и утопил защёлку. Щелчок получился громким в пустой галерее.

— Что там? — спросил Хафизов от рамы.

— Защёлка была открыта. Контакты целые. Могло выбить от натяжения, могло не дожать днём. Мог кто-нибудь задеть ногой.

— Кто?

— Не знаю. Кто-нибудь. — Малков поднялся, отряхивая колени. — Я днём закрывал. Помню, что закрывал. — Он помолчал и поправился, как поправлялся всегда, когда слово выходило больше, чем факт: — Думаю, что закрывал.

Карелин был в кладовой. Он сидел на кровати у двери — на кровати Макарова, которую тот уступил ему на время, пока сам ходил проверять пост у гермоворот, — с журналом на коленях и с часами на запястье, на которые он посмотрел, когда Малков вошёл. Было без двадцати десять. Через двадцать минут Корнеев обещал привести пятерых, и, судя по тому, как Карелин сидел — прямо, не облакаясь о стену, — он ждал этих двадцати минут всем телом.

— Докладывай.

Малков доложил. Он заранее, пока шёл по коридору, выстроил доклад так, как привык выстраивать: сначала факт, потом время, потом что проверено, потом что не проверено. Обрыв шлейфа ПЛ-1 с 20:01 по 20:07, шесть минут. Связь в это время шла по радио, сеанс в 20:00 проведён Хафизовым. Причина обрыва не установлена; на соединении за гермоворотами обнаружена открытая защёлка, корпус мокрый, контакты исправны; сфотографировано до вмешательства, затем закрыто. Возможные причины: натяжение кабеля, недожатая днём защёлка, случайное касание. Других повреждений по трассе нет.

— И ещё, — сказал он. — В двадцать ноль семь Устинов вызывал пункт, спрашивал про обрыв. Ответил ему я. Сказал, что обрыва не было и неисправность на его конце. Это неверно. Я, видимо, ответил спросонья. Не помню этого.

Карелин поднял на него глаза. Вежливые, усталые глаза человека, у которого через двадцать минут встреча, к которой он готовился весь день.

— Не помнишь, — повторил он.

— Не помню. На записи станции мой голос. На камере видно, как я встаю и отвечаю.

— Ты уверен, что не помнишь?

— Уверен.

Карелин помолчал. Малков ждал, что он спросит ещё что-нибудь — что именно видно на камере, почему «спросонья», если на камере Малков сидит прямо и говорит спокойно, — и одновременно надеялся, что не спросит. Карелин не спросил. Он посмотрел на часы, потом снова на Малкова.

— Устинову дал неверную информацию — значит, Устинов сейчас проверяет исправный аппарат. Свяжись с ним после двадцати двух, скажи, как было. Запиши всё в журнал связи. Как было, без смягчений.

— Есть.

— Хафизов знает?

— Знает, что я ответил. Говорит — бывает.

— Бывает, — согласился Карелин. В его голосе не было ни насмешки, ни тревоги — только усталость и какая-то мысль, которую он не стал договаривать. — Ты полтора суток на ногах. После связи с Устиновым — спать. В кладовой.

— Есть. — Малков постоял ещё секунду. — Товарищ капитан. Оригинал записи разговора я скопировал отдельно. И запись камеры. Прошу, чтобы без меня их никто не трогал и не правил. Даже если что-то покажется ошибкой.

Карелин посмотрел на него внимательнее.

— Почему?

Малков открыл рот и обнаружил, что у него нет ответа, который он мог бы произнести вслух, не начав объяснять того, что он не умел объяснить.

— Чтобы было как было, — сказал он.

— Хорошо. Никто не тронет.

В бывшем классе Хафизов уже лежал на кровати у узла — той самой, у тёплой стены, — лицом к лотку, укрывшись курткой поверх спальника. Он не спал: ворочался, устраиваясь, и, когда Малков вошёл, сказал, не оборачиваясь:

— Я тут полежу, пока ты поешь. Потом в кладовую.

— Ложись в кладовую сразу. Там у решётки место.

— Мне тут нормально.

Малков хотел сказать, чтобы он не ложился у стены, и не сказал: объяснить, чем плоха тёплая стена, он тоже не мог. Он сел за стол, подвинул к себе журнал связи и раскрыл его на сегодняшней странице.

Журнал был обычной общей тетрадью в клетку, разлинованной от руки по линейке на графы: время, канал, абонент, содержание, подпись. Её завёл Хафизов в полдень, и первые записи были его — ровным, крупным, немного детским почерком. Потом шли записи Малкова — мельче, быстрее, с наклоном вправо. Последней была запись сеанса в 18:00, сделанная Хафизовым. Под ней Малков собирался написать то, что велел Карелин.

Под ней уже было написано.

«20:07 / ПЛ-1 / Устинов (А) / Запрос о потере связи. Обрыва нет, линия в норме. Неисправность на стороне абонента. / М.»

Почерк был его — мелкий, быстрый, с наклоном вправо, с его собственной привычкой не дописывать хвост у «д» и ставить точку после «М» с нажимом, так, что карандаш оставлял в бумаге ямку. Время стояло правильное, до минуты. Графы были заполнены все, по порядку, ни одна не пропущена. «Неисправность на стороне абонента» — так он писал в отчётах, когда хотел, чтобы проверяющий не задавал больше вопросов. Он помнил, где выучил эту формулировку, и помнил первый раз, когда ею воспользовался: весной, перед прошлым выездом, в журнале зарядки, когда Пашка Зотов не поставил батареи на ночь, а утром две станции оказались мёртвыми, и Малков, посмотрев на Пашку, на его серое лицо, взял ручку и написал против Пашкиной фамилии «заряжено, неисправность на стороне потребителя», и подпись Пашки исправил так, чтобы она стояла в нужной графе. Никто тогда ничего не заметил. Пашка сказал ему спасибо один раз, в курилке, и больше они об этом не говорили.

Тогда он знал, почему пишет. Тогда рядом был Пашка с серым лицом.

Он взял карандаш, повертел его и положил обратно, параллельно краю тетради. Потом снова взял. Строчку «20:07» он не тронул: не зачеркнул, не исправил, не приписал сбоку. Под ней, на следующей линии, он написал:

«21:52 / — / — / Запись 20:07 неверна. Обрыв ПЛ-1 с 20:01 по 20:07 был. Причина не установлена. Ошибка оператора. / М.»

И поставил точку после «М», с нажимом, так, что карандаш оставил в бумаге ямку.

Две строчки стояли одна под другой — одним карандашом, одним почерком, с одной и той же буквой «М.» в конце. У стены, за его спиной, ровно гудел лоток, и Хафизов, кажется, наконец заснул.

Часть вторая. Гарнизон

Глава 7. «До контакта»

Корнеев пришёл сам, без двух минут десять, и Юдина, сидевшая у своего стола с тетрадью, по одному его лицу увидела, что пятерых не будет. Лицо было не виноватым — скорее озабоченным, как у начальника, которому приходится сообщать гостям о неполадке в хозяйстве, за которое он отвечает.

— Прошу прощения, товарищ капитан. Смену на втором посту задерживаю. Внизу подтопило вспомогательный колодец, люди на откачке, снимать некого. — Он говорил коротко, по-деловому, стоя в дверях и не проходя внутрь, как будто понимал, что в чужом пункте ему лучше не садиться. — Если хотите, сходите к ним сами. Это второй уровень, боковая галерея, полчаса туда и обратно. Сан Саныч проводит, он всё равно идёт на насосную. Он вам всё покажет.

Карелин встал.

— Хорошо. Через десять минут.

Корнеев кивнул и вышел, и Юдина услышала, как в коридоре он что-то негромко сказал — видимо, Сан Санычу, — и как тот ответил басом: «Понял, Николаич».

Собирались быстро. Карелин взял семерых, считая себя и её: Макарова, Крота, Орлова, Дронова с пулемётом и Малкова с роботом. Реутов, Савельев и Хафизов оставались в пункте. Юдина ждала, что Карелин спросит её, брать ли Малкова, — у того на «Пульсе» второй день подряд стояла нагрузка, от которой у неё самой ныли бы ноги, и полтора часа сна после этого были почти ничем. Карелин не спросил. Он посмотрел на Малкова, который уже стоял у ящика с роботом, держа его за ручку, будто кто-то мог отнять, и сказал: «Робот идёт первым. Без робота никто никуда не идёт». Это и было решение, и спорить с ним Юдина не стала: никто, кроме Малкова, не умел с этой машиной работать так, чтобы на неё можно было положиться.

Она подошла к Малкову, пока он проверял катушку.

— Как голова?

— Нормально.

— Спал полтора часа.

— Хватило.

Он не смотрел на неё. Пластырь на костяшке был на месте, и пальцы, которыми он перебирал витки оптоволокна, двигались быстро и точно, как всегда. Она хотела сказать что-нибудь ещё — что в таком состоянии люди ошибаются чаще, что ошибка с роботом под землёй стоит дороже ошибки в журнале, — и не сказала. Он и сам это знал. А от неё ему хотелось сейчас меньше всего на свете именно этого: ещё одного взрослого, который знает, как ему лучше.

Сан Саныч ждал у гермоворот, переминаясь, в ватнике поверх формы, с фонарём на резинке на лбу, с тяжёлым брезентовым мешком инструмента через плечо. Он обрадовался Орлову, как родному, и следующие десять минут, пока они спускались по служебной лестнице на второй уровень, говорил только с ним — про колодец, про то, что вода пришла не сверху, а снизу, «из-под плиты, как в прошлом марте», про какую-то задвижку, которую уже третий год обещают заменить и не меняют. Орлов слушал и задавал короткие вопросы, и Юдина, шедшая следом, слышала по его вопросам, что он верит каждому слову.

Второй уровень был холоднее первого и мокрее. Лестница вывела их в длинную служебную галерею — такую длинную, что луч фонаря терялся в ней, не доставая до конца, — со сводчатым бетонным потолком, по которому шли трубы, а по стенам кабельные лотки, и всё это было покрыто мелкой, ровной испариной. Под ногами местами стояла вода — тонким слоем,

по щиколотку, в углублениях пола. Пахло мокрым бетоном, железом и тем сладковато-затхлым, подвальным запахом, который Юдина заметила ещё днём у гермоворот, а здесь он был сильнее. Она проверила посадку маски, прижав край к переносице. Где-то слева, за стеной, ровно, как в трубе, шла вода.

Через двести метров от лестницы галерея раздваивалась. Основная шла дальше прямо, а вправо уходило ответвление — уже, ниже, с одним лотком по левой стене.

— Сюда, — сказал Сан Саныч, светя направо. — Второй пост метров через восемьдесят, за перегородкой. Я вас доведу до перегородки, а там уж сами, мне на насосную.

Карелин остановил группу у развилки.

— Здесь ждём. Малков, робот.

Сан Саныч посмотрел на ящик, из которого Малков вынимал машину, — небольшую, на гусеницах, размером с чемодан, с камерой на складной мачте и с катушкой оптоволокну на корме, — и в лице у него проступило детское любопытство, какое бывает у механиков при виде чужой хорошей техники.

— Это что ж, она туда сама поедет?

— Сама, — сказал Малков.

— А провод зачем?

— По нему картинка идёт.

— А если оборвётся?

— Тогда не идёт.

Сан Саныч засмеялся, хлопнул себя по колену и сказал, что вот у них в восьмидесятых тоже была одна такая на гусеницах, только без провода и без камеры, и ездила она только назад. Никто не засмеялся в ответ, и он, кажется, этого не заметил.

Малков опустился на колено у стены, положил на колено терминал — защищённый планшет в резиновом корпусе — и повёл машину. Робот тронулся с тихим электрическим жужжанием и ушёл в боковую галерею, разматывая за собой тонкую, как леска, светлую нить. Нить ложилась на мокрый пол и пропадала в темноте.

Юдина встала за плечом Малкова. Рядом встал Карелин, с другой стороны — Макаров. Крот отошёл к углу развилки с тепловизором и лёг на мокрый пол за выступом стены, так, чтобы видеть вдоль боковой галереи. Дронов с пулемётом устроился правее, у основания лестничной клетки. Орлов остался с Сан Санычем — и, как Юдина понимала, не случайно: он стоял так, что между Сан Санычем и боковой галереей был он сам.

На экране терминала боковая галерея выглядела иначе, чем вживую: чёрно-белой, плоской, с резкими тенями от прожектора робота и с тем особым ощущением, будто смотришь со дна, снизу вверх, на высоту колена. Стены уходили вверх и пропадали в темноте; по полу тянулась вода, и гусеницы робота оставляли на ней две полосы, которые тут же затягивало. Малков вёл машину медленно, короткими рывками, останавливая её каждые пять метров и поворачивая камеру налево, направо и вверх.

На тридцатом метре в правой стене, на уровне пояса, показался проём — небольшой сервисный люк, квадратный, с откинутой железной крышкой. Малков повернул камеру внутрь. Прожектор осветил узкий ход, уходивший в сторону от галереи, — бетонный, с низким потолком, с трубой вдоль стены, — и он был сухим. Совершенно сухим. Ни испарины на стенах, ни воды на полу, только толстый, ровный, нетронутый слой серой пыли, на котором прожектор выхватывал каждую неровность. После мокрой галереи это выглядело так, будто камера заглянула в другое здание.

— Сухо, — сказал Малков.

— Отметь, — сказал Карелин.

Крот, не поднимаясь с пола, сказал от угла: «Тридцать метров, справа, люк, сухой ход», — и Юдина услышала, как он записывает это в блокнот на ощупь, не отрываясь от тепловизора.

Робот поехал дальше.

Перегородка показалась на семьдесят шестом метре — стена из гофрированного железа от пола до свода, наскоро сваренная из листов, со следами краски разных цветов, с дверью посередине. Дверь была приоткрыта сантиметров на тридцать. Из щели падала полоса жёлтого света.

Малков остановил робота в пяти метрах. Посмотрел на щель, на высоту машины, потом на Карелина. Карелин кивнул.

Робот подполз к двери, развернулся боком, примерился и протиснулся в щель — гусеница скребнула о косяк, оптоволокну натянулось и легло вдоль порога. Камера на мачте поднялась, развернулась, и экран залило светом.

За перегородкой было помещение — широкое, квадратное, метров десять на десять, с низким потолком, освещённое двумя лампами в решётчатых плафонах. Посередине — старые бетонные блоки, сложенные полукругом в рост сидящего человека. За блоками — двое. Третий стоял слева, у узкого бокового прохода, прижавшись к стене. У всех троих было оружие, и это оружие было направлено — не в потолок и не в пол, а на дверь, на полосу света из щели, туда, где мог появиться входящий человек.

В галерее у развилки никто не шевелился. Юдина услышала, как Макаров рядом медленно выдохнул через нос.

На экране тот, что стоял у бокового прохода, первым заметил робота. Он дёрнулся, ствол его автомата пошёл вниз, к машине, к самой камере, так что на экране оказался чёрный кружок дульного среза, — и замер. Он смотрел на робота долго, несколько секунд, наклонив голову, как смотрят на незнакомое животное, которое забежало в дом. Двое за блоками тоже повернулись. Один из них что-то сказал — губы шевельнулись, но звука не было, — и первый медленно опустил автомат. Потом присел на корточки, разглядывая машину, и протянул руку — не к роботу, к светлой нити оптоволокну, лежавшей на пороге. Не дотронулся. Только провёл рукой над ней по воздуху, туда, где она уходила в щель двери, обратно в галерею.

— Не трогай, — сказал Малков экрану одними губами.

Человек не тронул. Он встал, отошёл к стене и что-то сказал в рацию — плоскую, старую, у плеча.

— Крот, — сказал Карелин тихо.

— Тепло у двери, — ответил Крот от угла. — По краям щели. Двое, может трое, ближе к двери никого. Трубы в потолке горячие, мешают. За железом не вижу.

Сан Саныч, всё это время стоявший за спиной Орлова, вытянул шею и заглянул в экран терминала.

— А, ну так это второй пост, — сказал он с облегчением, как человек, которому наконец объяснили, почему все замолчали. — Они всегда так стоят. Режим. Охрана спуска. У них приказ — кто идёт с той стороны без провожатого, тех держать до выяснения. Я ж вас веду. Пойдёмте, я покажусь, они опустят.

— Подождите, — сказал Карелин.

Он протянул руку, не глядя, и Макаров вложил в неё свой телефон с фотографией плана, сделанной днём в диспетчерской. Карелин увеличил изображение, нашёл второй уровень, провёл пальцем по основной галерее.

— Где на плане второй пост?

Сан Саныч наклонился к телефону, прищурился.

— Вот тут, у спуска на третий. — Он ткнул толстым пальцем в экран, в точку далеко впереди по основной галерее, совсем не там, где они стояли.

— А здесь?

— А здесь... — Сан Саныч посмотрел на боковую галерею, потом на телефон, снова на галерею. — Так перенесли же. Давно. На плане-то не перерисовывали, кто его будет перерисовывать.

— Здесь на плане кладовая, — сказал Крот от угла, не оборачиваясь. — Было.

— Ну, была кладовая, — согласился Сан Саныч. — А теперь пост.

Он говорил это совершенно спокойно, с той интонацией, с какой говорят о передвинутом шкафе. И в этом, подумала Юдина, может быть, не было ничего, кроме передвинутого шкафа: посты переносят, планы не перерисовывают, это бывает везде. Она видела больницы, где на поэтажных планах до сих пор значились отделения, расформированные ещё до её рождения. Но три человека с оружием, направленным на дверь, в помещении, которого не было на плане, в восьмидесяти метрах от развилки, куда их вёл провожатый, — это было уже не про шкаф.

Карелин вернул телефон Макарову.

— Не идём, — сказал он.

Сан Саныч растерянно посмотрел на него.

— Да они ж свои...

— Возможно. Но мы не идём. — Карелин повернулся к Малкову. — Робот назад, медленно. Камерой на дверь до последнего. Катушку выбирать полностью.

И Юдина, которая сама только что, глядя на чёрный кружок дульного среза на экране, подумала то же самое, вдруг поймала в себе возражение — тихое, упрямое, совсем не профессиональное. Пятеро, за которыми они пришли, по словам Корнеева, стояли на этом посту. Может быть, один из тех троих был из них. Может быть, он сейчас смотрел на робота и не понимал, что это пришли за ним. Восемьдесят метров. Сорок шагов сквозь воду. И вот они разворачиваются и уходят, потому что на плане здесь кладовая.

Она знала это чувство. Она испытывала его каждый раз, когда приходилось сказать «нет» живому человеку, стоящему в двух шагах, ради правила, которое защищало кого-то, кого не было рядом, — и каждый раз потом, ночью, проверяла, правильным ли было это «нет». Чаще всего оказывалось правильным. Иногда нет.

— Антон Сергеевич, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Те, за кем мы пришли, могут быть там.

— Могут, — сказал Карелин. Он не повернулся к ней, смотрел на экран. — И с оружием, направленным на дверь. Я не поведу людей в помещение, которого нет на плане, к людям, которые целятся в дверь, пока не знаю, кто там и чей это приказ. Выясним — пойдём.

Это было правильно. Она это знала. И всё равно, когда робот на экране попятился и полоса света из щели начала удаляться, становясь меньше и меньше, ей пришлось сделать над собой маленькое, но осязаемое усилие, чтобы не отвернуться.

Робот был на полпути к развилке, когда дверь в перегородке открылась.

Это было видно на экране — Малков держал камеру назад, на дверь, как велели, — и одновременно, через секунду, на тепловизоре Крота: в конце боковой галереи возникло светлое пятно человеческого роста и пошло вперёд. Медленно. С поднятыми руками — не вверх, как при сдаче, а немного в стороны, ладонями вперёд, как показывают пустые руки, когда хотят, чтобы это было видно издалека.

— Один, — сказал Крот. — Без оружия. Идёт.

Дронов у лестницы сдвинулся на сантиметр, и Юдина услышала, как щёлкнул у него предохранитель.

— Стоять! — крикнул Карелин в галерею. Голос ударил в бетон и вернулся эхом. — Десять метров до развилки — стоять!

Человек остановился. Он вышел на свет фонарей у развилки не весь, а наполовину — по пояс оставаясь в темноте галереи, — и стоял, держа руки на виду. Молодой, моложе Малкова, лет двадцати трёх, в такой же старой зелёной форме, как у Витька, без ватника. Худой, с корот-

кой неровной стрижкой, будто стригли его сами, ножницами, без зеркала. Он прищурился на фонари и нашёл глазами Юдину — единственную женщину, единственного человека в маске, — и обратился к ней, а не к Карелину, хотя кричал ему Карелин.

— Товарищ капитан медицинской службы, — сказал он. — Простите. Нам не сказали, что вы с машинкой. Сан Саныча ждали, а тут — она. Я на неё ствол навёл, это я не на вас, я испугался просто. Вы скажите, если что, что это я, а не ребята. Это я первый.

Он говорил быстро, сбивчиво, глотая концы фраз, тем голосом, каким говорят новобранцы, которых застал на посту дежурный по части, — и смотрел на Юдину так, будто от неё зависело, накажут его или нет. Юдина не сразу догадалась, почему он обращается к ней. Потом догадалась: из всех, кого он видел, она единственная была похожа на того, кто может заступиться.

Она посветила ему на руки, на шею, на кисти, стараясь не бить светом в глаза. Это получилось само, движением, которое она делала тысячу раз, подходя к незнакомому пострадавшему. С восьми метров многого не увидишь, но кое-что видно. Руки не дрожали — или дрожали не больше, чем у любого человека, которого держат на прицеле. Кожа бледная, но это мог быть и свет. Дышит часто, рот приоткрыт. Испуган. Обычный, здоровый на вид, очень испуганный мальчишка, который боится не их, а того, что ему попадёт.

— Никто вас не накажет, — сказала она. И услышала, как это прозвучало — слишком мягко, слишком уверенно, тем голосом, которым она когда-то сказала одной женщине в коридоре реанимации «всё будет хорошо» и потом два года не могла себе этого простить. Она поправилась: — От нас — никто. За своих начальников я отвечать не могу.

— Майор ругаться будет, — сказал он с тоской.

— Как вас зовут? — спросил Карелин.

Он перевёл взгляд на Карелина, и в лице у него что-то закрылось, спокойно и дисциплинированно, как закрывают окно.

— Второй пост, товарищ капитан. Фамилии — у майора.

— Вы из группы старшего лейтенанта Белова?

Пауза. Совсем короткая.

— Я со второго поста, — повторил он. — Майор вам всё скажет. Разрешите вернуться? Там ребята одни.

Карелин смотрел на него несколько секунд. Юдина видела его профиль в отсвете фонаря — неподвижный, сосредоточенный, вежливый.

— Возвращайтесь, — сказал он. — Передайте старшему поста: мы уходим. Оружие на дверь больше не наводить.

— Есть, — сказал молодой и обрадовался так, что это было видно даже в полутьме. Он попятился, не поворачиваясь, два шага, потом повернулся и пошёл обратно в темноту боковой галереи, опустив наконец руки. Через минуту на тепловизоре Крота светлое пятно добралось до перегородки и пропало за ней.

Сан Саныч стоял, держась за ляжку своего мешка, и выглядел так, будто его самого только что отчитали.

— Ну я ж говорил, — сказал он без особой уверенности. — Свои.

Никто ему не ответил. Он помялся, посмотрел на Орлова, будто ища у него поддержки, и Орлов сказал ему просто, по-человечески:

— Иди на насосную, Саныч. Колодец твой ждёт.

Сан Саныч кивнул, поправил фонарь на лбу и пошёл по основной галерее вперёд, в темноту, туда, где на плане был спуск на третий уровень и настоящий, нарисованный второй пост. Луч его фонаря долго качался в глубине галереи, становясь всё меньше, и Орлов смотрел ему вслед, пока луч не пропал.

На обратном пути Орлов остановился у сервисного люка. Робот видел его изнутри галереи, а здесь, на развилке, люк выходил в основную галерею с другой стороны — низкой квадратной дверцей в стене, которую Юдина по дороге туда приняла за щиток. Орлов открыл её, просунул руку с газоанализатором, подержал, посмотрел на экран.

— Влажность тридцать два, — сказал он. — Здесь, в галерее, — девяносто с лишним. — Он провёл ладонью по внутренней стенке хода и показал Карелину — сухую, серую от пыли. — Вентиляция другая. Или изоляция. Это не та система, что галерея.

Крот сфотографировал люк снаружи и изнутри, с привязкой к развилке, и записал в блокнот. Потом, помолчав, сказал Карелину:

— Я бы его прошёл сейчас. Посмотреть, куда ведёт. Полчаса.

— Не сейчас.

— Потом может не быть.

— Не сейчас, — повторил Карелин. — Отмечен — уже хорошо. — Он повернулся к остальным. — До сверки статуса ниже первого уровня никто не спускается, ни с провожатым, ни без. Выход держим. Малков, на сеансе — Устинову: на втором уровне вооружённый пост, которого нет на плане; наружное наблюдение не ослаблять. И про восемь ноль семь ему скажи, как было.

Крот закрыл блокнот с тем видом, с каким закрывают незаконченную работу, и ничего не сказал.

Малков всё ещё сидел на колене у стены и выбирал катушку — медленно, ровно, виток за витком, чтобы не перекрутить волокно. Робот полз по мокрому полу к развилке, камера на мачте смотрела назад, вдоль боковой галереи, на дальнюю перегородку, где по-прежнему светила жёлтая щель двери.

Он остановил машину метрах в десяти от развилки, чтобы перехватить волокно, и в этот момент на экране что-то изменилось.

Юдина увидела это раньше, чем Малков сказал. Слева от перегородки, там, где боковая галерея немного расширялась у стены, был ещё один проём — тот самый узкий боковой проход, у которого внутри поста стоял третий человек. Теперь из проёма, низко, на уровне пояса, медленно высунулась голова. Человек выглядывал осторожно, прижимаясь к косяку, — не на дверь, не туда, куда только что ушёл молодой, а вдоль галереи, к развилке, туда, где лежала светлая нить оптоволокну и где по полу ползла машина. Он смотрел, куда ведёт провод.

И смотрел прямо в камеру.

Он, видимо, тоже это заметил — потому что через секунду голова убралась обратно в проём так быстро, что на экране остался только смазанный светлый след.

— С другой стороны, — сказал Малков. — Тот же, что у двери стоял. Проверял, откуда она.

— Запиши время, — сказал Карелин.

Малков записал: 22:41. Потом выбрал последние витки, поднял робота с пола, как поднимают из воды собаку, — обеими руками под брюхо, — и уложил его в ящик. Катушка была полной. Метр к метру, всё, что ушло в галерею, вернулось обратно.

Глава 8. «То, что обслуживают»

Спать после второго поста Карелин не лёг. Спать было рано и в каком-то смысле бессмысленно: пятерых обещали к утру, наружу ушёл доклад о вооружённом посту, и до следующего сеанса оставалось больше часа. Этот час можно было потратить на то, ради чего, собственно, кроме людей, их сюда и послали, — на сверку. В акте консервации было написано, что исследовательская часть объекта закрыта и опечатана, а коммунальная оставлена под обслуживанием. Первое Карелин видеть пока не мог. Второе — мог, и начинать надо было с того, что видно.

Для этого Корнеев дал им инженера.

Инженера звали Толей. Ему было лет пятьдесят пять, он был невысокий, сухой, в аккуратно заштопанном на локтях свитере под форменной курткой, с большими, неожиданными для такого роста руками, на одной из которых не хватало фаланги мизинца. Говорил он мало и тихо, с какой-то извиняющейся вежливостью, и при каждом вопросе сначала думал, а потом отвечал — точно и не больше, чем спросили. Фамилию он, как и Витёк, не назвал; Карелин и не спрашивал. Он записал в журнал: «Инженер гарнизона — „Толя“, ~55 л., нет фаланги V пальца лев. кисти».

Склад был на первом уровне, в конце того же коридора, что и столовая, — длинное помещение с бетонным полом и рядами железных стеллажей до потолка. В дальнем конце, за раздвижной решёткой, темнел квадратный проём грузового подъёмника, уходившего вверх, к шлюзу на площадке. Толя включил свет — не весь, только средний ряд ламп, — и Карелин увидел то, о чём днём читал в накладных.

Крупа в мешках, сложенных в штабели по пять, с этикетками областного комбината. Тушёнка в картонных коробках, коробки подписаны маркером — даты поступления, разные, от прошлой осени до прошлой недели. Сухое молоко. Мыло хозяйственное, коробками. Хлорная известь в пластиковых вёдрах. Лампы, батарейки, рулоны полиэтилена, мотки провода. Отдельный стеллаж, отгороженный сеткой, — медицина: бинты, перчатки, шприцы, капельницы, растворы в пакетах, такие же, какие Юдина везла в своём ящике. Всё лежало аккуратно, по системе, с бирками на полках, и в этой системе была та же рука, что и в графике дежурств: всё на месте, всё подписано, всё посчитано.

Макаров прошёл вдоль стеллажей медленно, как ходят по чужому гаражу, — трогая, проверяя, перекладывая. Взял банку тушёнки, повертел, посмотрел дату изготовления.

— Июльская, — сказал он. — Этого года.

— Привезли на той неделе, — сказал Толя. — В четверг.

Карелин вспомнил колею на бетонке — двойную, со спаркой, три-четыре дня назад. Посчитал. Сходилось.

Ничего из этого не было похоже на склад брошенного объекта. Больше всего это было похоже на склад воинской части или небольшой больницы где-нибудь в отдалённом районе, куда раз в месяц приходит машина, — и это сходство было самым неприятным, потому что оно было обыкновенным. Кто-то наверху исправно отправлял сюда грузовик. Кто-то здесь исправно принимал, раскладывал, подписывал. И всё это выглядело как многолетняя, устоявшаяся, настоящая жизнь хозяйства, в которой, если не знать акта консервации, не за что было зацепиться.

Орлов сразу пошёл не к стеллажам, а в угол. Там, в стене, слева от проёма подъёмника, был щит — высокий, в рост человека, двустворчатый железный шкаф с полустёртой надписью на дверце: «СТОЯК Т-2. СЛУЖЕБНЫЙ». Створки были закрыты и, судя по свежим вмятинам у замка, не открывались давно и не от недостатка попыток.

— Это что? — спросил Орлов.

— Сервисный стояк, — ответил Толя. — Вертикальная шахта. Коммуникации на второй и третий уровни, кабели, трубы обогрева. Дверь заклинило лет пять назад. Мы его с другой стороны обслуживаем, со второго уровня.

— По акту, — сказал Карелин, открыв папку, — коммунальные линии на нижние уровни идут через стояк Т-2. Акт говорит, что линии к исследовательскому блоку отключены, а к насосной и к обогреву — оставлены. Я хочу видеть, что идёт по стояку сейчас.

Толя посмотрел на шкаф, потом на Орлова.

— Не откроется. Мы пробовали.

— Посмотрим, — сказал Орлов.

Он встал перед шкафом, не трогая его, и долго смотрел — сначала на замок, потом на петли, потом на нижний край створок, где тот касался пола, потом отошёл на шаг и посмотрел на шкаф целиком, наклонив голову. Карелин знал за ним эту манеру и не торопил: Орлов никогда не начинал работу, пока не понимал, почему вещь сломалась.

— Перекосило раму, — сказал он наконец. — Видите, левая створка ниже правой на палец. Пол просел, или стену повело. Замок тут ни при чём, его хоть сейчас открой — створку держит рама. Ломать замок бесполезно. — Он постучал костяшкой по верхней петле. — Петли снаружи. Это хорошо.

Он открыл свой ящик, достал выколотку, молоток, монтировку и пару деревянных клиньев. Толя подошёл ближе и встал сбоку, так, чтобы видеть руки Орлова.

Орлов не стал трогать замок вообще. Он подбил клин под нижний край левой створки, чуть приподняв её, — металл скрипнул, створка встала ровнее. Потом приставил выколотку к верхней петле снизу и коротко, резко ударил молотком — раз, другой. Штырь петли пошёл вверх. Он выбил его до конца, поймал рукой, положил на пол. Потом то же самое с нижней петлёй, подбив второй клин. Потом вставил монтировку в щель со стороны петель и надавил — не сильно, коротким уверенным движением. Створка, освобождённая от петель, но всё ещё запертая на замок, развернулась наружу на замке, как на шарнире, и открылась.

Всё вместе заняло меньше двух минут.

— С петель, — сказал Толя. Он сказал это негромко, с тем уважением, с каким мастер признаёт у другого мастера приём, до которого не додумался сам. — Мы всё замок ковыряли.

— Замок держит, когда рама прямая, — сказал Орлов. — Когда кривая — держит рама. Надо смотреть, что держит.

Толя кивнул и посмотрел на выбитые штыри, лежавшие на полу, — внимательно, долго, будто запоминал.

За створкой оказался не шкаф, а вход. Узкая железная площадка-решётка, огороженная поручнем, нависала над квадратной шахтой метра четыре в поперечнике, уходившей вниз, в темноту. Из шахты поднимался тёплый влажный воздух, и с ним — тот же гул, что днём на площадке у портала, только здесь он был ближе и отчётливее, будто насосы работали прямо под ногами. По стенам шахты шли кабели в лотках и трубы в обмотке, вертикально, пучками, и между ними уходила вниз железная лестница с площадками на каждом уровне.

Орлов первым ступил на решётку, проверил её ногой, потом всем весом, и только после этого кивнул Карелину. Тот встал рядом. Толя остался в проёме.

Вниз светили двумя фонарями. Площадка второго уровня была метрах в пяти под ними — такая же решётка с поручнем, и от неё в стену уходил низкий квадратный проём. Справа от проёма, прикрепленный к стене шахты на кронштейнах, висел железный ящик размером с платяной шкаф, обшитый снаружи чем-то вроде минеральной ваты в сетке, с маленьким оконцем на дверце. В оконце ровно светился оранжевый огонёк. Вокруг ящика стена была сухой — заметно суше, чем стены шахты выше и ниже: тёмная влажная полоса конденсата, тянувшаяся по бетону сверху вниз, огибала ящик метровым светлым кругом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.